

Совзак

Накануне декады

Литература — Декада башкирской литературы и искусства — большое событие в жизни нашей республики, — сказал в беседе с корреспондентом «Литературной газеты» секретарь правления Союза писателей Башкирии Х. Карим. — Это первое крупное выступление писателей республики в столице.

Напомним, что в 1950 году в Москве проходили вечера башкирской литературы. Много интересных встреч было тогда с писателями, работниками московских предприятий, работниками издательств. С тех пор прошло пять лет. За это время читатели познакомились с творчеством многих башкирских писателей. На русском языке издали книги классика башкирской литературы М. Гафури, вышедшие произведения нашего старейшего писателя С. Кудаша. Роман С. Агиша «Фундамент», рассказывающий о путях формирования советской башкирской интеллигенции, являясь важным вкладом в национальную культуру. Из писателей старшего поколения мне хотелось бы также назвать и Г. Гумера. Его повесть «Город на волнах» — первое крупное произведение о труде башкирских плотников.

Широко известность получили пьеса М. Карима «Друзья Шавкатова» («Одинокая береза») и повесть «Радость нашего дома». Надо сказать, что произведения М. Гафури, С. Кудаша, М. Карима пользуются большой популярностью и за пределами нашей республики — они издаются на многих языках народов СССР.

В дни декады москвичи познакомятся со стихами и поэмами Р. Нигматия, М. Карима, С. Кудаша, Т. Арсланова, Ш. Бикова, Г. Амири, Х. Гияльева, К. Даяна, Г. Рамазанова, с драматургией Б. Бикбая, с прозой К. Мурзина, А. Валеева, З. Бишиевой.

Наряду с писателями, у которых за плечами большой творческий опыт, в декаду примут участие и молодые литераторы — слушатели Высших литературных курсов А. Бикчентаев, И. Абдуллин. А. Бикчентаев — автор романа «Дорога Карасая», о башкирских нефтяниках, и повести «Право на бессердечие», об Александре Матросове. Эта повесть издали не только в нашей стране, но и за ее пределами — в Болгарии и Польше. И. Абдуллин написал несколько пьес, наибольшую известность из которых получили «Глубокое дыхание» и «Своика». Приехал в Москву и молодой прозаик Ф. Исангулов. Он окончил педагогический институт и работает сельским учителем. Пишет Ф. Исангулов главным образом для детей.

Как уже сообщалось, в дни декады в Союзе писателей будут проходить обсуждения книг башкирских писателей. Естественно, что хотелось бы обсудить как можно больше произведений.

В дни декады в книжных магазинах Москвы будет организован торговля книжки башкирских писателей на русском и башкирском языках. За последние годы Башкирское книжное издательство выпустило 156 книг сорока трех авторов общим тиражом 725 тысяч экземпляров. А ведь тридцать семь лет тому назад наш народ не имел своей письменности!

На декаду мы смотрим, как на своеобразный экзамен, смотр творческих сил республики. И в Союзе писателей и в читательских конференциях нам хочется услышать вдумчивое и выдержанное мнение о нашей национальной литературе. Мы уверены, что товарищеские беседы и обсуждения помогут башкирским писателям создать новые, более совершенные произведения.

Искусство ...Вместе с писателями съезжаются в столицу участники декады — артисты Башкирского Государственного театра оперы и балета Академического театра драмы Ансамбля народного танца, хор Башкирской Государственной филармонии, коллективы самодеятельности, композиторы, художники. На сценах московских театров уже идут репетиции предстоящих спектаклей. В выставочные залы и клубы прибывают ящики с экспонатами — произведениями изобразительного искусства, народного творчества, эскизы и макеты театральных постановок. Пестрят по городу афиши, приглашая на первые спектакли башкирских театров.

Государственный театр оперы и балета, созданный семнадцать лет назад из группы выпускников Башкирской студии Московской Государственной консерватории, — сказал в беседе с корреспондентом «Литературной газеты» заместитель министра культуры БАССР Р. Хайруллин, — прошел большой творческий путь. Вместо десяти артистов, составлявших первоначальную его труппу, сейчас в театре выступает более тридцати солистов. Вы услышите лучших из них в опере «Ларская невеста» Римского-Корсакова и «Салават Юлаев» Э. Исламгалова (по либретто Б. Бикбая). Через два года после возникновения оперного театра в коллектив влялся молодая балетная труппа, воспитанная Ленинградским хореографическим училищем. Она также выросла в значительный коллектив. Солисты балета З. Насретдинова, Г. Сулейманова выступают в загадочной роли балета «Лауренсия» и в роли Зайтунгуль в балете «Журавлиная песня», написанном Л. Степановым по либретто заслуженного деятеля искусств БАССР Ф. Гаскарова. В спектаклях участвуют и лучшие наши танцоры — народный артист республики К. Сафуллин, заслуженный артист Башкирской АССР Ф. Саттаров. Балетная труппа за эти годы пополнилась молодыми силами.

Нам очень интересно знать, как отнесутся московские зрители к спектаклям нашего Академического театра драмы. Старейший в республике, — ему в прошлом году исполнилось 35 лет, — этот театр возник из самодеятельного искусства. Для открытия он покажет спектакль «Дядя Ваня», в котором роль профессора Серебрякова исполняет старейший член труппы заслуженный артист РСФСР и народный артист БАССР Г. Карамашев — один из значительней театральных артистов, пришедший из армейского кружка самодеятельности.

В репертуаре театра и спектакли «Отегло» в переводе А. Шамова, «Одинокая береза» Мустая Карима, «Кара Йозар» — пьеса Г. Амири и В. Галимова, написанная по одноименной повести основоположника башкирской литературы Мажита Гафури. В Москву приехал также ансамбль народного танца Башкирской Государственной филармонии.

Купаловские дни в Белоруссии

Пятьдесят лет назад в одном из номеров минской газеты «Северно-Западный край» было опубликовано первое стихотворение народного поэта Белоруссии Янки Купалы «Мужик». Писательская и научная общественность республики широко отметила эту знаменательную дату в истории белорусской культуры.

Состоялся организованный Союзом писателей Белоруссии литературный вечер. После доклада о творчестве Янки Купалы писатели К. Киренко, Ф. Пестрак, В. Корбан, Э. Онгнетт, Р. Соболько, а также гости из Украины Т. Масенко и Ю. Ощенко читали стихи, посвященные народному поэту.

В традиционных ежегодных купаловских чтениях, проводимых Институтом литературы и искусства Академии наук БССР и Литературным музеем Янки Купалы, кандидаты филологических наук В. Ивашин, Л. Залеская и Д. Политико выступили с докладами о горьковских традициях в творчестве поэта, о его мастерстве.

МИНСК. (Маш корр.).

В ЧЕРА в Свердловском зале Кремля состоялось вручение международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» выдающемуся немецкому поэту, драматургу и общественному деятелю Бертольду Брехту.

Председатель Советского Комитета защиты мира Н. Тихонов, горячо поздравив лауреата, вручил ему диплом и золотую медаль.

К. Феликс, Н. Охлопков, Б. Полонский, Е. Голенда рассказали в своих речах о том, какую большую роль играл общественная деятельность и произведения Бертольда Брехта в борьбе за мир во всем мире.

С ответной речью выступил лауреат международной Сталинской премии Бертольд Брехт.

Нанануе вручения международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» Бертольду Брехту выдающийся немецкий драматург и поэт посетил редакцию «Литературной газеты». Он подробно рассказал о своей работе и творческих планах.

— Сейчас я заканчиваю пьесу, — сказал В. Брехт, — в которой будут сохранены элементы фабулы комедии Гоцци «Турандот», но которая будет наполнена актуальными политическим содержанием. Кроме того, я задумал две пьесы в стихах. Одна из них будет посвящена берлинскому рабочему, ставшему активистом; тема другой — жизнь Эйнштейна.

Большую часть сил и времени занимает у меня руководство театром «Берлинский ансамбль». Когда мы начали работать над созданием ново-

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 62 (3407) Четверг, 26 мая 1955 г. Цена 40 коп.

Песня о светлой доле

Завтра в Москве открывается декада башкирской литературы и искусства. Работники молодой социалистической культуры выступят перед москвичами со своим творческим отчетом. Декада явится показом того, как социалистическая революция возродила обреченный ранее на гибель народ. Под руководством Коммунистической партии башкирский народ вышел на широкие исторические просторы и достиг таких высот в своем экономическом и культурном развитии, о которых в предыдущее тысячелетие он даже мечтать не посмел бы. Да и нельзя сравнивать свет с мраком, высоту с пропастью, счастье с обреченностью.

Всеподавляющей силой в прошлом был шариат, а «законом», — по меткому выражению народного поэта Фархаха, — было беззаконие. Но никогда не иссякал живой родник народной души, не угасал живой огонь благородного сердца народа. В песнях и легендах, промазах и сказках народ выражал протест против феодального и колониального гнета, против социальной несправедливости, утверждал свое бессмертие. О тяжелой доле бед народа, вкладывая в простые слова песни боль и горечь:

О, мой Урал! Когда лозу срезаю,
Чтоб конь скакал дорожкой скорей,
— Течет по срезаемым ветвям на землю
Не сок, а кровь твоих богатей.

«Какое время — такие песни», — говорят издавна, подразумевая под словом «песня» все то, что создано искусством слова.

«Какое время — такие песни», — говорят и теперь, когда народ поет песни добрые и радостные. Советская власть создала все условия для расцвета материальной и духовной культуры башкирского народа, преобразованного полуколониальной, отсталой в прошлом край в могучую индустриально-аграрную республику. На новой социалистической почве зародилась башкирская советская литература. Она вызвана к жизни героическими делами и борьбой советского народа, преобразующего мир. Опирается на вечно живое народное творчество, башкирские писатели плодотворно осваивают драгочинный опыт великой русской литературы, литературы Пушкина и Гоголя, Толстого и Горького, Маяковского и Шолохова.

Зачинателем и основоположником башкирской литературы был народный поэт Мажит Гафури. Еще в начале творческого пути поэт осознал, что башкиры сохраняли себя, как народность, только потому, что навеки связали свою судьбу с Россией. В первом значительном произведении «Сибирская железная дорога» Мажит Гафури воспеет славу России:

Честь и слава России — могучей стране,
Чье дыхание я слышу в ночной тишине,
Где слова разыскать, чтоб о ней
рассказать, — рассказать,
Чтоб достойною песней воспеть ее мне!

Творчество Гафури формировалось в годы первой русской революции, росло и музло в годы Советской власти. До конца своих дней поэт оставался активным участником борьбы народа за социализм. Его традиции наши продолжение и развитие в произведениях писателей последующих поколений, прежде всего в творчестве Сайфи Кудаша, начавшего писать еще в предреволюционные годы. Зарождение в башкирской литературе таких крупных жанров, как проза и драматургия, связано, кроме М. Гафури, с именами писателей Гарифа Гумера, Хабидуллы Ибрагимова, Гайнана Хайри, Сагита Агиша.

Каждый этап борьбы советского народа за социалистическое преобразование обогащал башкирскую литературу новыми темами, произведениями, выдвигал новое поколение озаренных прозаиков, поэтов и драматургов. Первые два десятилетия роста и развития башкирской советской литературы были периодом острой борьбы партии против

явного и скрытого буржуазного национализма в литературе и разрома его. В эти годы наши писатели успешно овладевают методом социалистического реализма. С полетом и отвагой своих сыновей в бою показали беспредельную любовь и преданность Советской отчизне и Коммунистической партии. Писатели Советской Башкирии, большинство которых с первых же дней войны ушло на фронт, словом и оружием участвовали во всенародной борьбе против фашистов. Верные долги солдата и советского писателя, пади в боях замечательные поэты М. Хай и М. Харис, драматург С. Мирдахов, критик С. Байков.

В эту суровую годину особенно возмужала и окреп голос поэзии, которая стала более конкретной и земной, более возвышенной и крылатой. В поэмах Сайфи Кудаша «Ленин и бои» и «Мой односельчанин», Рашида Нигматия «Убей, сын мой, фашиста!» и «Письма твоей невесты» воспеют бессмертные подвиги советских людей. Книги стихов «Любови нет смерти» Ханифа Карима, «Сердце солдата» Гайнана Амири, «Песни в бою» Салыха Кулибая, «Голос сердца» Малиха Хариса, написанные непосредственно на переднем крае, раскрывают духовный мир защитника социалистического Отечества. Лирические герои этих книг выступают бойниками великой и карающей врага правды.

Со своими первыми, еще художественно несовершенными, но правдивыми и мужественными произведениями о высоком гражданском долге, о солдатском подвиге, о боевой дружбе народов пришли в литературу молодые писатели-фронтовики Назар Наджми, Анвер Бикчентаев, Тимур Арсланов, Халим Гияльев, Гилемар Рамазанов, Шариф Биккол, Ибрагим Абдуллин; талантливым критиком проявил себя Ахнаф Харисов.

Послевоенные годы мирного созидательного труда, наполненные великими подвигами советских людей в коммунистическом строительстве, вызвали новый подъем башкирской литературы. В этот период наша литература вступила в пору своей зрелости. Появляются произведения, в которых раскрываются коренные изменения в судьбе башкирского народа, изображаются новые жизненные процессы и великие преобразования. В дореволюционном башкирском обществе почти не было национальных рабочего класса и интеллигенции. Их формирование шло после Октября вместе с формированием самой социалистической нации. Эти явления большого исторического масштаба нашли убедительное художественное отображение в произведениях нашей молодой прозы и эпической поэзии.

Роман Сагита Агиша «Фундамент» охватывает события того периода, когда башкирское крестьянство в жестокой классовой борьбе под руководством Коммунистической партии стало на путь коллективизации. В романе Акрама Валеева «Первые шаги» рассказывается о культурной революции в республике, о формировании молодой башкирской советской интеллигенции. Два первых романа о башкирских нефтяниках — «На склонах Нарын-Тау» Кирса Мурзина и «Дорога Карасая» Анвера Бикчентаева — посвящены событиям разных периодов и масштабов. Эти книги, не лишены недостатков, ценны тем, что показывают замечательный процесс зарождения и роста могучего отряда башкирского рабочего класса — нефтяников.

Жизнь и дела людей промышленного труда нашли свое отражение в поэмах Салыха

Кулибая и Макуса Сундукле, Десорубы и Потогоны — герои повести Гарифа Гумера «Город на волнах». Новую, счастливую судьбу угнетенной в прошлом башкирской женщины воспепа в повести в стихах «Гуляямал» Зейнаб Бишеша.

В послевоенные годы расширился тематический диапазон башкирской литературы. Появились значительные произведения, отображающие жизнь народа в канун Октябрьской революции. Прежде всего я бы назвал повесть Сайфи Кудаша «На берегу весны» — дружбе двух народных поэтов Татарии и Башкирии Г. Тукая и М. Гафури — и повесть для юношества Хагана Мухтара «Перед бурей». Ряд удачных произведений написан также о людях современной колхозной деревни. Благополучно были приняты читателями поэмы «Золотой колокол» Х. Карима, «Девушка с Сакарара» Р. Нигматия, стихи С. Кудаша, К. Даяна, Б. Бикбая, Х. Гияльева, рассказы Д. Исламова и Ш. Насирова.

Заметный сдвиг произошел в драматургии. В наших театрах, чрезмерно увлекавшихся историко-бытовой тематикой, современный репертуар, наконец, прочно занял свое место. «Весенняя песня» Н. Налжми, «Тальян-гармонь» Г. Ахметшина, «У Иреидьяка» М. Хайларова и другие произведения о наших днях, несмотря на присущие им художественные слабости, оказали значительное влияние на репертуар башкирских театров. Однако нужно отметить, что драматургия по сравнению с другими жанрами литературы все еще остается более слабым участком. То же самое можно сказать и о детской литературе, хотя за последние два-три года в ней появилось довольно интересная повесть З. Бишиевой «Будем друзьями», ряд содержательных рассказов.

Достижения литературы Советской Башкирии бесспорны. Книги народа, у которого в недавнем прошлом не было даже своей письменности, теперь в сотнях тысяч экземпляров распространяются в переводе на великий русский язык и на языки братских народов. Мы бесконечно признательны нашим творческим друзьям — переводчикам и редакторам — за то, что благодаря их вдохновенной работе народы нашей страны получили возможность познакомиться с башкирской литературой. А ведь любая литература, как бы она пока ни была несовершенной, несет в себе чашу народной жизни, народной души.

Башкирская советская литература на всех этапах борьбы советских людей за социализм шла и идет вместе с народом, несет в себе высокие идеи коммунизма. И теперь, когда все люди доброй воли во главе с великим советским народом ведут решительную борьбу за мир, все громче звучит голос башкирской литературы, утверждающей жизнь, разум и науку коммунистическую правду. Чувства советского человека — хозяйка жизни — хорошо выразил поэт Г. Рамазанов:

И снова я, с душою ясной
Проснувшись утром, миру в ширь
Хочу воскликнуть: «Солнце,
Здравствуй! — здравствуй!
Отчизна, здравствуй!
Здравствуй, мир!»

У К А З
Президиума Верховного Совета СССР
О награждении драматурга Корнейчука А. Е. орденом Ленина
За выдающиеся заслуги в области развития советской художественной литературы и за активную общественно-политическую деятельность, в связи с пятидесятилетием со дня рождения, наградить драматурга Корнейчука Александра Евдокимовича орденом Ленина.
Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. ВОРОШИЛОВ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР Н. ПЕГОВ.
Москва, Кремль, 24 мая 1955 г.

А. Е. Корнейчуку

Дорогой Александр Евдокимович!

Президиум правления Союза писателей СССР горячо поздравляет Вас в день Вашего пятидесятилетия. Ваша драматургия — одно из лучших и славных достижений советской литературы.

В Вашем творчестве сочетаются высокая идейность и большое мастерство. Пьесы Ваши активно вторгаются в жизнь, за ними стоят советские люди, социалистическая эпоха. Это не только песни — это взятие из народной жизни и снова вернувшееся к народу уже в художественных образах его чаяния, его дела, его радости и печали, его борьба и победы.

Ваш труд давно уже высоко оценен народом, а признание народа — это самая большая награда, которую может заслужить художник.

Страстная революционная патетика «Гробей эскадры», углубленный психологизм «Платона Кречета», народная гора «Богдана Хмельницкого», лукавый юмор комедии «В степях Украины», гневная сатира «Фронта», острая публицистичность «Крыльев» — такое многообразие художественных средств Вашей превосходной драматургии.

Герои Ваших пьес живут и трудятся вместе с нами. Мы помим и революционного матроса Гайяла, и верного сына своей родины Богдана Хмельницкого, и умного, волевого Платона Кречета, и страстного Огнева, и многих и многих других мужественных, смелых людей, чьи характеры верно увидены Вами в жизни и талантливо раскрыты в художественных произведениях.

Умение откликаться на самые волнующие вопросы современности, раскрыть в художественном образе лучшие стороны национального характера, видеть значение художника в его служении народу — вот что характеризует Вас как советского писателя, не только описывающего сделанное, но и зовущего вперед, заглядывающего в будущее.

На пьесах Ваших, не сходящих с репертуара советского театра, широко идущих за рубежом нашей Родины, воспитались многие мастера советской сцены.

Ваше творчество неразрывно связано с Вашей общественной и публицистической деятельностью, с Вашей упорной борьбой за мир во всем мире. Советские люди знают Вас не только как большого писателя, но и как государственного деятеля. На Вашем примере видно, как духовно обогащает художника активная общественная деятельность, как наполняет она его творчество новым живым содержанием, новым высоким смыслом.

Желаем Вам, дорогой Александр Евдокимович, долгих лет такой же большой, полной глубокого смысла и творчества жизни, желаем новых и новых творческих побед, которых от Вас ждет советский народ и все мы, Ваши товарищи по литературе.

Правление Союза писателей СССР

50-летие Михаила Шолохова

Концертный зал имени П. И. Чайковского. Соло 24 мая на соборной сцене М. Шолохова пришли рабочие, студенты, писатели, артисты, офицеры Советской Армии. В зале — жена Шолохова Мария Петровна, дети и даже маленькая внучка.

Горячими аплодисментами встретили собравшиеся любимого писателя. Вечер открыл А. Сурков. — Мы собрались сегодня здесь в день пятидесятилетия выдающегося мастера литературы Михаила Шолохова, — сказал А. Сурков, — чтобы выразить ему чувство горячей любви и признательности за чудесные книги, которые читают сотни миллионов людей во всех концах земного шара.

А. Сурков характеризует М. Шолохова, как талантливейшего восприимчива и продолжателя бессмертных традиций русской классической литературы, видного общественного деятеля.

С возлюбленными приветствиями обратились к писателю представители литературных и общественных организаций, студенты, артисты, рабочие.

— Ваши книги никогда не залеживаются на полках нашей заводской библиотеки. Мы их читаем и перечитываем, сказал, обращаясь к М. Шолохову, фрезеровщик машиностроительного завода В. Аверкин.

Слово привета дорожному земледу и писателю сказал председатель Бюро областного колхоза имени А. А. Андреева И. Пятков. На вечере выступили: от правления Союза писателей СССР Л. Леонидов, министр культуры СССР Н. Михайлов, академик В. Виноградов, народная артистка СССР Е. Турчианинова, заместитель главного редактора газеты «Правда» П. Сатюков, главный редактор журнала «Октябрь» М. Храпченко, украинский писатель О. Гончар, главный редактор журнала «Огонек» А. Софронов, главный редактор Гослитиздата А. Пузыков и другие.

Поздравляя писателя с высокой правительственной наградой — орденом Ленина, выступавшие от всего сердца желали ему быстрого завершения второй книги «Поднятой целины» и романа «Они сражались за Родину», создания новых прекрасных произведений.

В адрес юбиляра поступили многочисленные поздравительные письма и телеграммы из Корейской Народно-Демократической Республики, Чехословакии, Румынии, Болгарии, Монгольской Народной Республики, Германской Демократической Республики и других стран.

В заключение выступил Михаил Шолохов. — Дорогие друзья, — заявил он, — разрешите сказать одно: вы понимаете, что я расстроган, взволнован, а отсюда и косноязычен, но постарайся не очень долго затруднять ваше внимание.

Разрешите мне вас заверить, что весь свой ум, весь жар души, всю страсть далеко не равновозного к жизни сердца я отдал и отдаю для того, чтобы мои книги волновали бы вас.

Большое спасибо тем, кто приветствовал меня. Разрешите сказать тем, кто не получил слова, всю теплоту которого я чувствую сердцем — разрешите сказать им мое глубокое спасибо.

В большом концерте были исполнены отрывки из произведений М. Шолохова.

Новые книги эстонских писателей

Близится пятидесятилетие Советской Эстонии. К этой дате Эстонское государственное издательство готовит выпуск ряда новых художественных произведений.

О событиях, предшествующих восстановлению советской власти в Эстонии, об исторических июньских днях 1940 года рассказывает роман И. Семпера «Красная гвоздика».

Жизни эстонской деревни в канун присоединения Эстонии к Советскому Союзу посвящен роман молодого писателя И. Пау «Перед бурей».

Выдут также сборники стихов П. Руммо и М. Веетам, в которых публикуются стихи, написанные поэтами за последние два года. В сборниках преобладают стихи о сегодняшнем дне республики, о дружбе народов и борьбе за мир.

На русском языке в переводе Л. Томма выйдет поэма Ю. Смуула «Я — комсомолец».

Книги читатели получат повесть В. Бекмана «Одинокое лето» — об увлекательных похождениях двух пионеров. Отдельным изданием вышли опубликованные ранее в журнале «Леоинг» документальная повесть Э. Рангата «Дорога склянок», в которой рассказывается о людях одного совхоза, и пьеса А. Якобсона «Старый дуб» и М. Талвек «Болотные черти».

В вышедшем недавно альманахе «Эстония» впервые на русском языке напечатаны «Письма из деревни Сыглате» Ю. Смуула. В письмах автор рисует картины новой, большой жизни рыбаков с маленького эстонского острова.

К ВРУЧЕНИЮ МЕЖДУНАРОДНОЙ СТАЛИНСКОЙ ПРЕМИИ МИРА БЕРТОЛЬДУ БРЕХТУ

«В будущем сезоне мы предполагаем поставить «Корюлан» Шекспира и пьесу американского драматурга Стюаса о Джо Хилле. В обоих спектаклях будет занят хором известный советским людям Эрист Бун».

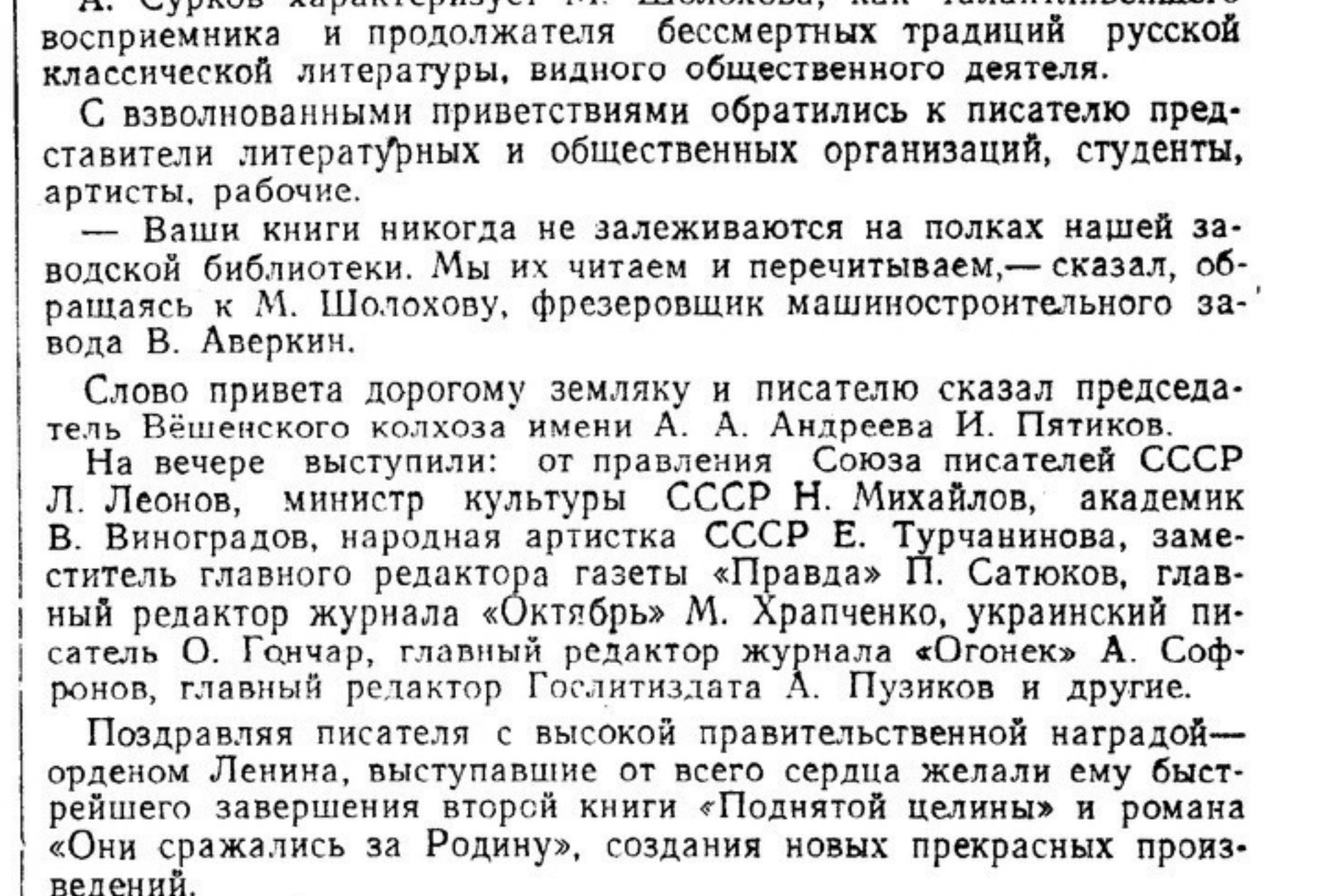
Из пьес русских драматургов на сцене «Берлинского ансамбля» с успехом ставятся «Васса Железнова» и «Кремлевские куранты».

Эстетическую программу нашего театра я бы определил как программу театра высокой драмы и высокой комедии, театра, стремящегося к поэтическому воссозданию действительности. Мы стремимся, чтобы актер абсолютно точно и полно раскрыл характер персонажа, воплощая в него, но чтобы он вместе с тем передавал свое общественное отношение к нему. В этом есть, разумеется, противоречие, но это противоречие диалектическое.

В Москве я посмотрел ряд спектаклей. Большое впечатление на меня произвел спектакль «Горячее сердце» в МХАТ, особенно А. Грибов в роли Хлынова.

Долг друга говорить правду, и поэтому я не могу умолчать, что меня разочаровала постановка в том же МХАТ комедии Шекспира «Двенадцатая ночь, или как вам угодно». Я знаю, что в ней заняты самые молодые актеры театра, но и самым молодым можно ил позволить такую оперную условность игры?

К числу наиболее значительных театральных впечатлений последнего времени я не могу не отнести моей пьесы «Кавказский меловой

Миллионы людей во всех концах земного шара.

А. Сурков характеризует М. Шолохова, как талантливейшего восприимчива и продолжателя бессмертных традиций русской классической литературы, видного общественного деятеля.

С возлюбленными приветствиями обратились к писателю представители литературных и общественных организаций, студенты, артисты, рабочие.

— Ваши книги никогда не залеживаются на полках нашей заводской библиотеки. Мы их читаем и перечитываем, сказал, обращаясь к М. Шолохову, фрезеровщик машиностроительного завода В. Аверкин.

Слово привета дорожному земледу и писателю сказал председатель Бюро областного колхоза имени А. А. Андреева И. Пятков. На вечере выступили: от правления Союза писателей СССР Л. Леонидов, министр культуры СССР Н. Михайлов, академик В. Виноградов, народная артистка СССР Е. Турчианинова, заместитель главного редактора газеты «Правда» П. Сатюков, главный редактор журнала «Октябрь» М. Храпченко, украинский писатель О. Гончар, главный редактор журнала «Огонек» А. Софронов, главный редактор Гослитиздата А. Пузыков и другие.

Поздравляя писателя с высокой правительственной наградой — орденом Ленина, выступавшие от всего сердца желали ему быстрого завершения второй книги «Поднятой целины» и романа «Они сражались за Родину», создания новых прекрасных произведений.

В адрес юбиляра поступили многочисленные поздравительные письма и телеграммы из Корейской Народно-Демократической Республики, Чехословакии, Румынии, Болгарии, Монгольской Народной Республики, Германской Демократической Республики и других стран.

В заключение выступил Михаил Шолохов. — Дорогие друзья, — заявил он, — разрешите сказать одно: вы понимаете, что я расстроган, взволнован, а отсюда и косноязычен, но постарайся не очень долго затруднять ваше внимание.

СТУДЕНТ И ШКОЛА ЖИЗНИ

Учебники валяются в пакгаузе...

Если зайти в любой книжный магазин Одессы и несколько минут постоять у прилавка, то можно услышать, как школьники всех возрастов спрашивают самые различные учебники. Большинство детей уходит из магазина с пустыми руками — нужных им книг в продаже нет.

Может быть, в Одессу присылают мало учебников и поэтому их не хватает? Нет, дело не в том.

В темном, сыром пакгаузе грузового двора станции Одесса-Товарная лежат тысячи экземпляров учебников. Упаковка давно порвалась, истлев бумажный шпатель, которым были обвязаны пачки. Многие на них лежат уже не первый год. Например, арифметика для 5—6-х классов поступила сюда еще в прошлом учебном году. Тогда же прибыли учебники географии для 6—7-х классов, христианской украинской литературы для 10-х классов.

Получатель всех этих грузов — Одесский облигноторг. Это он упорно отказывается забирать литературу, приби-

вающую в его адрес. Заведующий грузовым двором старый железнодорожник тов. Пушпер рассказывает:

«Смотреть больно, как гибнут книги. Сколько труда затрестили люди, чтобы эти книги дошли до школ. Вы посмотрите на наклейки — откуда только они прибывают к нам. Вот 24 места из Горького, 60 мест из Москвы, десятки мест из Омска, Угрюмова, Тарту, Еревана. Сколько раз звонил я по телефону директору Книготорга Михаилу, его заместителю Фомину, а они и в ус не дуют. Теперь секретарь уже и соединить меня с ними перестал: извещую, пожалуйста, надоело слушать упреки.

На нерадивых получателей пытались воздействовать через другие организации. Руководители транспортно-экспедиционной конторы обращались в горком партии и к прокурору города, просили воздействовать на Книготорг — не помогло. Три телеграммы отправлены в Министерство культуры УССР — никакого ответа. Книги продолжают валяться в пакгаузе.

Пытались железнодорожники «урблеу» по Книготоргу. Больше 10.000 рублей штрафов заплатила эта организация, но книг не забрала. Если бы гг. Михалев и Фомин платили штрафы из своего кармана, а не за счет государства, то вряд ли бы они так легко бросили на ветер такие средства.

Недавно вместо Михалева руководителем облигноторга назначен тов. Алавердов. Однако и при нем положение не изменилось — учебники гибнут на грузовом дворе.

На снимке виден один из углов пакгауза на грузовом дворе станции Одесса-Товарная, где среди железа свалены учебники.

И. ПИКРЕВИЧ,
ответственный секретарь редакции дорожной газеты «Черноморский гудок»
ОДЕССА

ОРУЖИЕМ САТИРЫ

Исполнилось десять лет со дня смерти выдающегося революционного поэта Демьяна Бедного, одного из основоположников советской литературы.

Сила поэзии Д. Бедного — в органическом единстве личного начала с общенародным, в единии эстетики и большевистской партийной политики, служащей для него могущественным источником вдохновения, направляющей и организующей его работу поэта.

...Моею башней пристрелкой
Руководит перекресток Ленинский.
Он — издали, а Сталин — был он рядом,
Когда ковался им и «Правда» и «Звезда»,
Когда, окнувши твердыни вражды,
Он мне указывал: «Не худо б вот сюда
Ударить башенным снарядом!»

Иррический образ, запечатленный в многочисленных программных стихотворениях Демьяна Бедного, — это поэт нового типа, поэт-агитатор, поставивший перед собой высокую цель — творить не для немногих избранных, а для широких масс, приобщить эти массы к политике и культуре, вооружить их пониманием высокой правды революционных идей.

С этой ориентацией на широкое народное читателя связаны жанровые и стилистические особенности поэзии Демьяна Бедного: преимущественное использование наиболее демократических, массовых жанров — басни, песни, частушки, рэпсодика, агитационной повести в форме сказа; предельная простота, бесхитрость поэтического языка при высокой стихотворческой культуре автора, мастерское владение им различными жанрами, стилями, красочной гаммой языковых изобразительных средств.

В поэзии Д. Бедного обрели живую плоть и кровь, становились близкими и доступными миллионам трудящихся, нередко еще не владеющим общей и политической грамотой, важнейшие тактические задачи партии, которые умело переносились поэтом на язык быта, крестьянского обихода, привычных представлений населения городской окраины и деревни.

Поэзия Демьяна Бедного отличалась яркое выразительное внутреннее единство при необычайном многообразии тематики, стилистических и жанровых черт. Факты действительности, взятые из любой области — внутренней и международной политики, быта, культуры, хозяйственного строительства, — все это освещается поэтом с точки зрения насущных задач революции, рассматривается не изолированно, а в тесной связи с ходом общепартийной борьбы за социализм, за мир и демократию. Наличие общего общественного идеала, четкой партийной позиции сообщает целенаправленность и действительность сатиры поэта, вызывает к жизни его героическую революционную лирику, сыгравшую в свое время большую мобилизующую роль.

Демьян Бедный навсегда вошел в советскую литературу, как башенный мастер политической сатиры, которая не утратила боевого звучания до сих пор. По воспоминаниям В. Бонч-Бруевича Ленин характеризовал произведения Демьяна Бедного как весьма остроумные, прекрасно написанные, меткие, бьющие в цель.

В доктрёрских баснях поэт разоблачал хищнические устремления помещика, плутократа и деревенского кулака, срывает маски с престопагителей детского либерализма и социал-социалфашиста. В годы гражданской войны он создает острую талантливую сатиру на врагов революции, жестоко высмеивая тех, кто пытался задержать ход истории: спертую буржуазию, белогвардейских генералов, буржуазно-националистических правителей окраин России.

Особенных удач достигал Д. Бедный в области социал-презлительных всех оттенков.

В известных сатирических куплетах «Либераля», заклеймивших презлительную политику меньшевистских лидеров Либера и Дана летом 1917 года, «Гулим-джем», обличивших грузинских меньшевиков, которые продавали свое родина

англо-французским империалистам, поэт создает нарицательные образы ренегатов, воплотившие в обиход политическую публицистику того времени.

Одним из основных средств создания сатирического образа у Д. Бедного служат речевая характеристика персонажа, — иррием, восходящий к традициям Крылова и, наряду с приемом гротеско-сатирического портрета, использованный Салтыков-Щедриним и Маяковским.

Демьян Бедный умело пародирует речь представителей верхушечных классов и их приспешников, оторвавшихся от народа. Язык контрреволюционного духовенства, ссылающегося в своей приверженности самодержавию на церковные догматы, уснащен славянизмами:

Неть бо власти, аше... аше...
За царя молитесь чаще!

Речь буржуазного интеллигентно-меньшевистского жонглирующего иностранными терминами, передается в пародийном изложении кулуара Горька:

«Дипломатический... оркестр,
«Коммунистический... секвестр.
Да «девальвация»...
Да «ревалвация»...

Знатоком народного языка, малых жанров фольклора — пословиц, поговорок, крылатых речений, мастером афоризмов выступает поэт в своих баснях. Концовки некоторых басен Д. Бедного представляют собой новые пословицы, афоризмы, созданные по типу народных:

В тридцатые годы сатира Демьяна Бедного гибко обличала фашизм, поборников гонки вооружений, империалистов, наступавших на права трудящихся. В годы Отечественной войны Д. Бедный выступает как сатирик-антифашист.

Маяковский писал о методах сатирической обработки материала: «Если это литературное произведение, — должно быть остроумно слово». В стихах Д. Бедного, как и в стихах Маяковского, сатирически острое слово играет огромную роль. Он создает глаголы, производные от имен известных политических деятелей, характеризующие определенный образ действий: ллйодждоржит, гуворит; новые прилагательные: сверхузолиный урожай (у помещиков в Италии); новые наречия: фашисто, Чап-Кай-пш...карно. Он дал примечательные образные рифмы, заключающей в себе обличительный или иронический смысл: «Крупнов — трупов», «Социал-Мергелия, нету на них погубели!».

Все лучшее в сатирическом наследии Демьяна Бедного отмечено партийной принципиальностью, бешовой остротой. С отступлениями от этих качеств связаны оплошности и недостатки, проявившиеся в некоторых его произведениях. Высокая цена сатирического дарования поэта, В. И. Ленин, партия в то же время подвергла резкой, глубоко принципиальной критике Д. Бедного за эти ошибки и оплошности. Известно, как сурово критиковал И. В. Сталин некоторые стихотворные фельетоны Д. Бедного, в которых тот пытался в полном противоречии с действительностью представлять кооперацию, отсталость как национальную русскую черту. Но лучшие произведения поэта отмечены ясностью политического замысла и высоким художественным мастерством.

Изучение творческого опыта Демьяна Бедного наряду с опытом В. Маяковского имеет большое значение для развития современной сатиры. Выступая значительным, основоположником советской сатиры, Д. Бедный и В. Маяковский обращаются к традициям народного творчества, е приемам и жанрам фольклора. В сатиру Демьяна Бедного представлены различные жанры народной поэзии — от частушки до былинного стиха. Она опирается на все богатство живого народного языка. Ее свойственны высокий гражданский пафос, бешовая публицистичность.

Поэтам-сатирикам есть чему поучиться у Д. Бедного, писателя, чье боевое слово с детства служило делу революции.

Л. ШВЕЦОВА

С уважением к благородной теме захочет читатель познакомиться со статьей «Маяковский (фольклор)», написанной Дм. Молдавским (журнал «Звезда», № 4, 1955 г.). С огорчением и обидой за память поэта окончатся мои чтения.

С самого начала автор в ялду исследовательского азарта уверяет читателя, что «образ солнца, пришедшего к поэту в поэме Пушкина, связан с персонализированным образом солнца из народной сказки». Из какой же сказки родился величественный образ стихотворения Маяковского? Дм. Молдавский разъясняет: «из известной сказки «Солнце, Месяц и Ворон-Вороньих», где все названные персонажи ходят друг к другу в гости, а солнце печет на себе олады, посылно облегчая труд своей жены».

После столь ошеломляющего открытия с «оладами» уже не приходится удивляться, что статья направлена к доказательству одной лишь мысли: все хорошее в творчестве Маяковского — только от фольклора, никаких иных источников его поэзия не имела.

Дм. Молдавский не проводит при этом никакой разницы между устной поэзией и устной прозой. «В обиду кучу» свалены и местные речения и архаизмы. К творческому освоению фольклора, по мнению исследователя, относится использование Маяковским таких слов, как лоло, вотще, пешкодларом.

Трудно переосмыслить благотворное воздействие фольклора на творчество Маяковского, но легкомысленное отношение Дм. Молдавского к столь важной теме способно лишь скомпрометировать ее.

Упорочно рассматривает автор статьи особенности поэтики Маяковского. Общезвестно положение, что в частушке заключительные строки обычно несут большую смысловую нагрузку, а первые две являются «подступами» к ним. Вспомнив об этой характерной черте частушки и поэма об всех других Дм. Молдавский механически относит ее к стихам Маяковского и обнаруживает «принцип частушки» в следующих строках поэта:

Мы требуем мира. No если тронете,
мы в роты сождемся, сжавши рот.
Зачинщики бояйн увидят на фронте
одея рабочий фронт.
восставший

Но почему бы тогда не найти «принцип частушки» в «Утопленнике» А. С. Пушкина, где две начальные строки первой строфы — тоже только «подступы» к двум последующим, играющим «главенствующую роль»?

Правда, исследователь сам признается, что черты частушки он наблюдал «при самом беглом обзоре». Но ведь читателю-то от этого не легче!

А. БОЧАРОВ

ИЗ ПЕТЕРБУРГА — В МОСКВУ

В № 106 газеты «Вечерняя Москва» от 6 мая с. г. опубликована статья Евг. Мар. «Два века МГУ», в которой, в частности, говорится: «Издательство МГУ — наследник университетской типографии знаменитого русского просветителя Новикова, выпустившего в свет книгу Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву».

Но, как до сих пор было известно, книга эта напечатана Радищевым в собственной типографии в Петербурге, а не в Москве, и без участия Новикова.

Интересно было бы узнать, какими фактами, подтверждающими достоверность этой исторической новости, располагает редакция «Вечерней Москвы».

А. ЗВЕНИГОРОДСКИЙ

Писатель и его поиски

Два романа Анатолия Рыбакова «Водители» и «Екатерина Воронина» по теме не однозначны, едино в них направление авторского дарования. Писет ли Рыбаков о лихих водителях или об упрямых волягах, он пишет про красоту трудового человеческого дела. Испытание делом — этический и эстетический принцип, которым писатель проверяет своих героев. Но что же нового по сравнению с «Водителями» появилось в «Екатерине Ворониной»? В чем сказывается поиск писателя?

Неприметная автобуса маленького городка — место действия «Водителей», события, как и время действия романа здесь словно спрессованы. В «Екатерине Ворониной» шире охват времени — от революционных дней до тысячелетия девятисот пятидесяти четвертого года. Писатель ведет нас в волжский поселок Кадниця, и мы знакомимся с тремя поколениями исконных волягеров Ворониных. Вместе с главной героиней мы плываем на серебряном судне, в шумном, оживленном порту следим за умной работой крановиков.

Сохраняя основной критерий проверки человека делом, Рыбаков им не ограничивается; он стремится раскрыть своего героя не только в деле, но и в семье и в быту. На прежнем пути, по более глубоко (в расширении границ нашего познания человека и состоит задача литературы — человековедения), писатель продолжил свои поиски. Умение жить во взаимосвязи, неразрывно два сюжетных плана — человек и его дело, человек и его любовь — определяло успех самого значительного и интересного, хотя и эпизодического образа романа — Дуси Омууровой.

Что выпрямляло молодую, легкомысленную женщину, привычно вступающую в случайные, не тревожащие сердца связи, — дело или любовь? И то и другое. Любовь заставляет Дусю увидеть прошлые иными глазами. Чем сильнее любила она, тем больше хотелось укрепить веру в себя. Вера в себя дает силы для полета. Дуся завоевывает новую профессию. Деловая умелость укрепляет веру в себя, чувство достоинства, а значит, и любовь.

Рост Дуси стремителен, сегодня она иная, чем была вчера, и в этом стрем-

С. БАБЕНЬШЕВА

тельном движении, как ни странно, — драматизм положения молодой женщины. Дуся изменилась, но прошлое преследует ее. Дале же Сутурин, любимый, не может забыть его. «Через это и пережить не могу, сердце не позволяет». Для Дуси его уход — трагедия, но ее движения не останавливают: «Теперь сама работа, эти мучительные и вместе с тем радостные поиски нового, лучшего досталали ей огромное удовлетворение».

Рост Дуси — частичка стремительного движения общества вперед, и это движение столь привычно, что мы сами порой не замечаем всех изменений, происходящих в сложнейшей из лабораторий — душе человеческого существа. Движение жизни неодолимо привлекает писателя. Незаром в обоих романах познанию человека образ дороги. В «Водителях» — это ширь дорожная, поэзия дальнего рейса, в «Екатерине Ворониной» — поэзия Волги, ее необятных просторов.

Любимые герои Рыбакова — люди, для которых дело — жизненная необходимость: отнять его у них — все равно что оторвать растение от корня. Человек и его место в жизни — эту проблему рмекает писатель многогранно и, в частности, на образах женщин трех поколений семьи Ворониных.

Все три — бабка Екатерина Артамонова, ее невестка Анастасия Степановна и ее внучка, главная героиня, Катя — одинокие женщины, но различны их одиночество.

Екатерина Артамонова — человек заблудленного таланта. Нерастроченные силы тянут ее, оборачиваются суровостью, депрессивом. Не умея жить с детьми, старая женщина живет одиноко, но нестерпима в ней потребность быть нужной людям.

«Идет почта», — подумала Катя, подвезая к Кадницам и раздвигая отпущенную фигуру бабушки около дома. Ужасал. Катя вспомнила бабушку, в той же позе ожидающей почталову. И в этом ожидании — тоска одиночества, нерастроченная душевная энергия.

Анастасия Степановна — мать Катю — не ждал писем, она не привыкла к знакомым внимания. Да и сама не способна к ним. Узнав, что муж в порту, Анастасия Степановна заступилась: «Надо ждать, что ли, завтра... Или ты, может, пиროгов ему за-

хавать? Спеку утробой». Катя знала, что все это пустые разговоры, никаких пиროгов, никаких спеку, — отвечает ей Катя. — Но тому, что есть за ними и за всем этим, — широкое движение руки она показала на реку, на порт, на город, — можешь».

Катя верит в свое дело, свою нужность людям, и поэтому она внутренне не одинока. Писатель не облегчает судьбы героини — в двадцать лет она успешна разорочившись и даже разувверившись в любви. Долгое время Катя живет, вынашив себе мысль, что личная жизнь не удалась. И вдруг — новое испытание: Катя полюбила своего начальника — генерала Леднева.

Но как только начинает развиваться история взаимоотношений Катю с Ледневым, история, через которую автор в основном и хотел раскрыть душевную красоту, богатство героини, образ Катю неоправдимо тускнеет, терпит свое обнищание.

Что представляет собой Леднев? Сразу его не определишь. Без надобности он не обидит, не навредит его ни злым, ни бесцеремненным. И вместе с тем не только лицо его бесстрастно, но бесстрастен и душевно.

Будучи субъективно человеком не плохим, Леднев как начальник, руководитель — плох, вреден. Новое его пугает, страх будит в нем нечто канушикоподобное. «Как позорит начальство?» — обычная приписка Канушикова — персонажа романа Рыбакова «Водители». «Как мы будем выглядеть?» — как бы вторит ему Леднев.

В чем же дело? Почему откровенный кариесит и человек неплохой, но слабохарактерный, безхарактерный, говорит столь схожими фразами? Потому что, сколь ни различны их характеры, едины корни их бед. И Леднев, и Канушиков не на своем месте — и в этом зло. Если для Канушикова — завоевание чем-нибудь стало специализацией, то и служебное положение Леднева не соответствует его способностям, уровню его сознания.

Давным-давно было сказано Добролюбову: «На свете нет несопосных людей, а есть только неуместные... плохой человек и вывалившийся из саней плохой чиновник, вынужденный из службы за несопосность, — оба, быть может, не были бы издохли, если бы поменялись «своими местами»...».

Неуместность — беда Леднева, поэтому он и хуже самого себя, ниже своих возможностей. Неуместность заставляет его приспособляться, нуле всего тревожащего о репутации. «Он искренне считал свою репутацию чем-то вроде государственной ценности, охранял в себе нужное и полез-

умелая, изобретательная, всегда думающая о людях. «Неужели этим краем да теплоходам жизнь отдашь?» — спрашивает ее подруга. «Краем и теплоходам нельзя отдашь жизнь», — отвечает ей Катя. — Но тому, что есть за ними и за всем этим, — широкое движение руки она показала на реку, на порт, на город, — можешь».

Катя верит в свое дело, свою нужность людям, и поэтому она внутренне не одинока. Писатель не облегчает судьбы героини — в двадцать лет она успешна разорочившись и даже разувверившись в любви. Долгое время Катя живет, вынашив себе мысль, что личная жизнь не удалась. И вдруг — новое испытание: Катя полюбила своего начальника — генерала Леднева.

Но как только начинает развиваться история взаимоотношений Катю с Ледневым, история, через которую автор в основном и хотел раскрыть душевную красоту, богатство героини, образ Катю неоправдимо тускнеет, терпит свое обнищание.

Что представляет собой Леднев? Сразу его не определишь. Без надобности он не обидит, не навредит его ни злым, ни бесцеремненным. И вместе с тем не только лицо его бесстрастно, но бесстрастен и душевно.

Будучи субъективно человеком не плохим, Леднев как начальник, руководитель — плох, вреден. Новое его пугает, страх будит в нем нечто канушикоподобное. «Как позорит начальство?» — обычная приписка Канушикова — персонажа романа Рыбакова «Водители». «Как мы будем выглядеть?» — как бы вторит ему Леднев.

В чем же дело? Почему откровенный кариесит и человек неплохой, но слабохарактерный, безхарактерный, говорит столь схожими фразами? Потому что, сколь ни различны их характеры, едины корни их бед. И Леднев, и Канушиков не на своем месте — и в этом зло. Если для Канушикова — завоевание чем-нибудь стало специализацией, то и служебное положение Леднева не соответствует его способностям, уровню его сознания.

Давным-давно было сказано Добролюбову: «На свете нет несопосных людей, а есть только неуместные... плохой человек и вывалившийся из саней плохой чиновник, вынужденный из службы за несопосность, — оба, быть может, не были бы издохли, если бы поменялись «своими местами»...».

Неуместность — беда Леднева, поэтому он и хуже самого себя, ниже своих возможностей. Неуместность заставляет его приспособляться, нуле всего тревожащего о репутации. «Он искренне считал свою репутацию чем-то вроде государственной ценности, охранял в себе нужное и полез-

ного для государства работника», — говорит о нем автор. Какая спасительная формула! В ее густой тени прятается и равнодушие и своекорыстие.

Рыбаков последователен в своей непризнки ко всякого «сорта» неуместности. На смерти, то в Ледневу относится, как к человеку заблудшему, нежданному. Как скоро он оказывается на работе, соответствующей его масштабу, равнодушие сменяется вниманием, инертность — заботой. Но «перестройка» эта показана бегло и малоубедительно.

Образ Леднева получился противоречивым. И не только потому, что такъв замысел писателя: прожить несоответствие добрых намерений героя и его действий и поступков. Беда в том, что объективная вредность поведения Леднева, как руководителя пароходства, не раскрыта художественно. Думается, что здесь сыграло роль и то, что писатель все время «держит» в уме Катю, помнит о том, что она, умная, хорошая, любит этого человека, и постоянно ослабляет свою критику Леднева. Кажется, будто на крутую гору втащиваются ямки, которые тут же с шумом сбрасываются вниз.

А молда ли в самом деле Катя полюбила Леднева? Конечно, могла, ведь не сразу же разбегнулся в человеке. Но если в романе ощутила могучая спокойная добрая сила Сутуринна, которой он навеки покорил легкомысленную Дусю, то значительно хуже показалось, чем тогда, в начале, Леднев покорил Катю. Рыбаков намеренно подчеркивает красоту своего героя. Но красота эта банальна: «поэзией» ослепительно-белого цвета, как и запахом крепких духов и хорошего табака, о котором немало говорится в романе, не так уж просто завоевать сердце душевно богатого человека, каким, по замыслу, должна быть Катя. И вот другое объяснение: Катя чувствовала несоответствие их образа мыслей, ощущала его сильную руку, которая поддерживала ее в деле, заполнявшим ее жизнь...».

Рационалистичностью веет от этого объяснения, его нельзя принять и по существу: писатель беспрерывно убеждает нас в разности, а не общности мыслей героини. Эта же рационалистичность чувствуется и в том, как рассказано об уходе Катю от Леднева и о возвращении ее к нему: Катя оставила Леднева, разочаровавшись в его морально-деловых качествах, Катя вернулась, почувствовав, что в душе его что-то струнулось.

Но странное дело, почему же это свидетельство, казалось бы, беспощадной при-

нципальности героини оборачивается против нее самой, воспринимается как показатель ее узости, душевной близорукости? Героиня действует по идеальной, предусмотрительной писателем схеме, а не по внутренней логике развития чувства.

Если б Рыбаков задумал показать Катю, как человека сухого, этакую «профсоюзную тетю», как о ней говорит дочь Леднева Ирина, все было бы понятно. Но автор-то ведь воистинце о ней так.

Сфера чувств, действительно, словно чужда Кате. Эмоциональная бедность ощущается и в ее поступках и в ее речи. Безукоризненная точность формулировок отличает язык героини, вне зависимости от того, выступает ли она на производственном совещании, говорит ли с любимым.

«Дело в том, что я тебя люблю», — говорит, например, Леднев Кате. — И мне грустно, что из-за всей этой ерунды страдаешь наша любовь».

— И тоже тебя люблю, Костя. Но есть любовь требовательная и любовь с закрытыми глазами».

Как сухо и точно сформулировано, и нет в этой фразе ни смелости, ни тоски.

Если в образе Дуси воедино сливаются два плана — человек и его дело, человек и его любовь, то любовь Катю не помогает нам почувствовать ее обаяние, не обогащает наши представления о ней.

Закума образ героини нашего времени, писатель, соответственно своему творческому принципу, решил раскрыть широту ее характера. Вначале Катю и воспринимаешь, как человека лиричного и разностороннего, но затем эта широта поменяется механическим соединением различных положительных качеств и свойств, что, естественно, не дает целостного представления о человеке, не дает образа в движении. Отсутствие единства образа главной героини привело и к композиционной нечеткости.

В романе нет динамики: начало книги с его масштабом, Волгой — это обещание чего-то значительного, большого, но обещание это не оправдывается. Все менее и менее значительным становится размах повествования, в последних главах уже много необязательного, случайного (приезд Мостового к Кате, его «сроковая» страсть).

И хотя писатель торжественно приводит героиню к победе, по успеху А. Рыбакова в этом романе в нем — в образах тех героев, которых он сумел показать в сложном сплетении творческого дела, быта, чувств. Именно это помогло художнику глубоко раскрыть судьбы людей, помогло и нам увидеть новые возможности дарования писателя.

ГЕРОЙ В СТРОЮ

Из записной книжки

2. Душевный боеприпас

Нет, очевидно, еще не каждый пони-
мает роль книги в воспитании чело-
века. Намешля, например, редактор ли-
тературного отдела в военном журнале,
который вычеркнул в отрывке из нового
романа Б. Завенева то, что так же есте-
ственно, как и в море, «Бросай» — нель-
зя. Только «бережно опустя». Так
принципиально понимает этот редактор
требование воинских уставов о воспитании
уважения к командиру. Ему — лишь бы
спокойнее, положе да потише.

Один издатели требовали, чтобы из книги
была вычеркнута глава о героическом спасе-
нии трех матросов из погубий подводной
лодки. Почему? Разве наши лодки не
погибли в войну? Или то, что война шла
на жизнь и смерть, умаляет нашу победу?
— Молодого читателя, — возразил изда-
тель, — это может отгнать от службы в
подводном флоте.

Пришлось обратиться к тем, кто непо-
средственно заинтересован в укреплении
могущества подводного флота. И боевой
адмирал резонно посоветовал:
— Поинте его к дьяволу... Мне в под-
плаве не нужны путливые солдаты, кото-
рые прочтут книгу и потеряют штаны.

Об этом приходится вспоминать, ибо
стремление к лаконизму до сих пор одоле-
вает многих издателей.
В прошлом году в «Советском воине»
был напечатан рассказ В. Монастырева
«Братья Хапалки». Действие происходит
на фронте. Стрелявший солдат изкушает
свою винтовку, бросается с гранатами на ог-
невую точку врага. Солдата ранят. Но автора
слово кто-то напугал. Он добавляет, что
«ранение оказалось легким» и через два
дня боец уже вернулся в подразделение.

Не верится, что автор сам, без посторон-
ней помощи, добился бы такой выдержки.
Иногда же приходится вспоминать, что
стремление к лаконизму до сих пор одоле-
вает многих издателей.
В прошлом году в «Советском воине»
был напечатан рассказ В. Монастырева
«Братья Хапалки». Действие происходит
на фронте. Стрелявший солдат изкушает
свою винтовку, бросается с гранатами на ог-
невую точку врага. Солдата ранят. Но автора
слово кто-то напугал. Он добавляет, что
«ранение оказалось легким» и через два
дня боец уже вернулся в подразделение.

Не верится, что автор сам, без посторон-
ней помощи, добился бы такой выдержки.
Иногда же приходится вспоминать, что
стремление к лаконизму до сих пор одоле-
вает многих издателей.
В прошлом году в «Советском воине»
был напечатан рассказ В. Монастырева
«Братья Хапалки». Действие происходит
на фронте. Стрелявший солдат изкушает
свою винтовку, бросается с гранатами на ог-
невую точку врага. Солдата ранят. Но автора
слово кто-то напугал. Он добавляет, что
«ранение оказалось легким» и через два
дня боец уже вернулся в подразделение.

Иногда же приходится вспоминать, что
стремление к лаконизму до сих пор одоле-
вает многих издателей.
В прошлом году в «Советском воине»
был напечатан рассказ В. Монастырева
«Братья Хапалки». Действие происходит
на фронте. Стрелявший солдат изкушает
свою винтовку, бросается с гранатами на ог-
невую точку врага. Солдата ранят. Но автора
слово кто-то напугал. Он добавляет, что
«ранение оказалось легким» и через два
дня боец уже вернулся в подразделение.

Иногда же приходится вспоминать, что
стремление к лаконизму до сих пор одоле-
вает многих издателей.
В прошлом году в «Советском воине»
был напечатан рассказ В. Монастырева
«Братья Хапалки». Действие происходит
на фронте. Стрелявший солдат изкушает
свою винтовку, бросается с гранатами на ог-
невую точку врага. Солдата ранят. Но автора
слово кто-то напугал. Он добавляет, что
«ранение оказалось легким» и через два
дня боец уже вернулся в подразделение.

Иногда же приходится вспоминать, что
стремление к лаконизму до сих пор одоле-
вает многих издателей.
В прошлом году в «Советском воине»
был напечатан рассказ В. Монастырева
«Братья Хапалки». Действие происходит
на фронте. Стрелявший солдат изкушает
свою винтовку, бросается с гранатами на ог-
невую точку врага. Солдата ранят. Но автора
слово кто-то напугал. Он добавляет, что
«ранение оказалось легким» и через два
дня боец уже вернулся в подразделение.

Иногда же приходится вспоминать, что
стремление к лаконизму до сих пор одоле-
вает многих издателей.
В прошлом году в «Советском воине»
был напечатан рассказ В. Монастырева
«Братья Хапалки». Действие происходит
на фронте. Стрелявший солдат изкушает
свою винтовку, бросается с гранатами на ог-
невую точку врага. Солдата ранят. Но автора
слово кто-то напугал. Он добавляет, что
«ранение оказалось легким» и через два
дня боец уже вернулся в подразделение.

Иногда же приходится вспоминать, что
стремление к лаконизму до сих пор одоле-
вает многих издателей.
В прошлом году в «Советском воине»
был напечатан рассказ В. Монастырева
«Братья Хапалки». Действие происходит
на фронте. Стрелявший солдат изкушает
свою винтовку, бросается с гранатами на ог-
невую точку врага. Солдата ранят. Но автора
слово кто-то напугал. Он добавляет, что
«ранение оказалось легким» и через два
дня боец уже вернулся в подразделение.

Иногда же приходится вспоминать, что
стремление к лаконизму до сих пор одоле-
вает многих издателей.
В прошлом году в «Советском воине»
был напечатан рассказ В. Монастырева
«Братья Хапалки». Действие происходит
на фронте. Стрелявший солдат изкушает
свою винтовку, бросается с гранатами на ог-
невую точку врага. Солдата ранят. Но автора
слово кто-то напугал. Он добавляет, что
«ранение оказалось легким» и через два
дня боец уже вернулся в подразделение.

Иногда же приходится вспоминать, что
стремление к лаконизму до сих пор одоле-
вает многих издателей.
В прошлом году в «Советском воине»
был напечатан рассказ В. Монастырева
«Братья Хапалки». Действие происходит
на фронте. Стрелявший солдат изкушает
свою винтовку, бросается с гранатами на ог-
невую точку врага. Солдата ранят. Но автора
слово кто-то напугал. Он добавляет, что
«ранение оказалось легким» и через два
дня боец уже вернулся в подразделение.

Иногда же приходится вспоминать, что
стремление к лаконизму до сих пор одоле-
вает многих издателей.
В прошлом году в «Советском воине»
был напечатан рассказ В. Монастырева
«Братья Хапалки». Действие происходит
на фронте. Стрелявший солдат изкушает
свою винтовку, бросается с гранатами на ог-
невую точку врага. Солдата ранят. Но автора
слово кто-то напугал. Он добавляет, что
«ранение оказалось легким» и через два
дня боец уже вернулся в подразделение.

Иногда же приходится вспоминать, что
стремление к лаконизму до сих пор одоле-
вает многих издателей.
В прошлом году в «Советском воине»
был напечатан рассказ В. Монастырева
«Братья Хапалки». Действие происходит
на фронте. Стрелявший солдат изкушает
свою винтовку, бросается с гранатами на ог-
невую точку врага. Солдата ранят. Но автора
слово кто-то напугал. Он добавляет, что
«ранение оказалось легким» и через два
дня боец уже вернулся в подразделение.

Иногда же приходится вспоминать, что
стремление к лаконизму до сих пор одоле-
вает многих издателей.
В прошлом году в «Советском воине»
был напечатан рассказ В. Монастырева
«Братья Хапалки». Действие происходит
на фронте. Стрелявший солдат изкушает
свою винтовку, бросается с гранатами на ог-
невую точку врага. Солдата ранят. Но автора
слово кто-то напугал. Он добавляет, что
«ранение оказалось легким» и через два
дня боец уже вернулся в подразделение.

Иногда же приходится вспоминать, что
стремление к лаконизму до сих пор одоле-
вает многих издателей.
В прошлом году в «Советском воине»
был напечатан рассказ В. Монастырева
«Братья Хапалки». Действие происходит
на фронте. Стрелявший солдат изкушает
свою винтовку, бросается с гранатами на ог-
невую точку врага. Солдата ранят. Но автора
слово кто-то напугал. Он добавляет, что
«ранение оказалось легким» и через два
дня боец уже вернулся в подразделение.

Иногда же приходится вспоминать, что
стремление к лаконизму до сих пор одоле-
вает многих издателей.
В прошлом году в «Советском воине»
был напечатан рассказ В. Монастырева
«Братья Хапалки». Действие происходит
на фронте. Стрелявший солдат изкушает
свою винтовку, бросается с гранатами на ог-
невую точку врага. Солдата ранят. Но автора
слово кто-то напугал. Он добавляет, что
«ранение оказалось легким» и через два
дня боец уже вернулся в подразделение.

Иногда же приходится вспоминать, что
стремление к лаконизму до сих пор одоле-
вает многих издателей.
В прошлом году в «Советском воине»
был напечатан рассказ В. Монастырева
«Братья Хапалки». Действие происходит
на фронте. Стрелявший солдат изкушает
свою винтовку, бросается с гранатами на ог-
невую точку врага. Солдата ранят. Но автора
слово кто-то напугал. Он добавляет, что
«ранение оказалось легким» и через два
дня боец уже вернулся в подразделение.

Иногда же приходится вспоминать, что
стремление к лаконизму до сих пор одоле-
вает многих издателей.
В прошлом году в «Советском воине»
был напечатан рассказ В. Монастырева
«Братья Хапалки». Действие происходит
на фронте. Стрелявший солдат изкушает
свою винтовку, бросается с гранатами на ог-
невую точку врага. Солдата ранят. Но автора
слово кто-то напугал. Он добавляет, что
«ранение оказалось легким» и через два
дня боец уже вернулся в подразделение.

Иногда же приходится вспоминать, что
стремление к лаконизму до сих пор одоле-
вает многих издателей.
В прошлом году в «Советском воине»
был напечатан рассказ В. Монастырева
«Братья Хапалки». Действие происходит
на фронте. Стрелявший солдат изкушает
свою винтовку, бросается с гранатами на ог-
невую точку врага. Солдата ранят. Но автора
слово кто-то напугал. Он добавляет, что
«ранение оказалось легким» и через два
дня боец уже вернулся в подразделение.

Иногда же приходится вспоминать, что
стремление к лаконизму до сих пор одоле-
вает многих издателей.
В прошлом году в «Советском воине»
был напечатан рассказ В. Монастырева
«Братья Хапалки». Действие происходит
на фронте. Стрелявший солдат изкушает
свою винтовку, бросается с гранатами на ог-
невую точку врага. Солдата ранят. Но автора
слово кто-то напугал. Он добавляет, что
«ранение оказалось легким» и через два
дня боец уже вернулся в подразделение.

уважение не только к автору, но и к
читателю. Иные известные писатели
считают возможным писать для военных
журналов небрежно, рассматривая соору-
женности в них как некий сохотный про-
мысел». Михаил Светлов, например, напе-
чатал в первом номере «Советского моряка»
за этот год такое безобразное стихотворение,
какое он вряд ли позволил бы себе напеча-
тать, допустим, в «Гонимые».

Армия живет общей жизнью с народом.
Все происходящее в гражданской жизни
точнее отражается в жизни армейской. В
армию приходят те же двадцатидесяти-
летние, что и на завод, и в институт, и на
целинные земли. Все горечи, противоречия,
последствия неаправильного воспитания в
семье или в школе, последствия, в которых
мы всею в гражданской жизни, при-
обретаем наибольшую остроту с приходом
юноши в армию: ведь военному человеку
доверены оружие и судьба Родины. «От-
приска», издолованного в домашней опре-
жерее и считанного еще наследником от-
цовских заслуг, в военной среде презри-
тельно называют «папкин сын». К таким
очень беспощадно. На офицерском стуле
чести я слышал, как один старший лейте-
нант, до армии прошедший трудовой путь,
зло отчитывал подобного «отприска»:

— За спиной родители вы еще не хле-
бушки лиха. Позабавы, как обращаются к
вам матросы: не господа гусар, а товари-
щи командиры!

Именно товарищ. Такова демократи-
ческая особенность нашего воинского вос-
питания. В этом сила нашей мужественной
армии, спаянной силой крепкой дисципли-
ны — дисциплины сознательной. Может
ли война такой армии удовлетворить иди-
лическое сознание о красоте военного
мушкетера. Конечно, нет. Ему нужна правда
о его трудовой службе, о мужественном
сердце, которое бьется под этим мушкетером,
права жизни, начертанная на знаменах
нашей партии.

Только правду! Матросы, у которых ото-
брали книги на передовке, тосковали не по
всяким книгам. Они ждали вернуть хоро-
шие книги, перечитываемые не раз и не
два. Это были книги о войне, о мире, о
труде, о любви — вкусы и интересы разно-
образные. Только в одном едином читателе
с этой далекой скалы: они против литера-
туры слащавой и малодушной.

Недаром матрос Карягин, за годы служ-
бы на скале завершивший «образное сред-
нее образование», шутя сказал мне:
— Как же жить без книги? Книга —
наш душевный боеприпас.

А боеприпас должен быть взрывчатым.
На той же скале,
на маяке, вспо-
минаю другое вре-
мя: осень сорок
первого года,
трудные дни,
когда Москва
была осаждена
и Ленинград —
в колыбе бло-
кады. Воды Балтики
заявлял враг. А на
далеком балтийском
острове, в скалах,
в пещере жили матросы
героического гарни-
зона. Матросы только
что вернулись из
тяжелого десанта.
Лежали на нарах,
промокшие и
продрогшие. Было
темно. Один из
них читал товарищам
напамять, наизусть
главы из «Чапаева».
И людям становилось
легче в этот грозный
час. Чапаев находился
с ними в одном строю.

В трудный и героический сорок первый
год на фронте с возмущением говорили
о соединениях и фильмах, изображавших
грядущую битву, как легкую и шапкоза-
кидаческую. Они всегда вредны, потому
что внушают спесь — спитунку малоду-
шия, ослабляют волю к борьбе.

На кораблях есть старшины-сверхсроч-
ники. Некоторые адмиралы, когда были
лейтенантами, обучались у них. Сверх-
срочник — почтенный человек в Воору-
женных Силах. Желавших остаться на
сверхсрочную службу немало, но отбирает
немногих и очень строго. Нужен тот, кто
полезен как воспитатель и умелец.

Так и в любимых литературных ге-
роях. Читатель дорожит героем-сверхсроч-
ником, который верно служит ему долгий
срок. С такими, как Чапаев, не страшно
идти в бой. Эти герои не только всегда в
строю — они и всегда правоплановые.

А в спешности содержится не-

доблесть Огнева, железная принципиаль-
ность Мирона. В его пьесах, как в жи-
зни, — романтизм и обидное, поэзия
и проза, лирика и ирония шествуют рука
об руку, придавая действию особую непри-
ядательность, а конфликтам особую остро-
ту.

Но ведь эта склонность соединять волею
и смешное и возвышенное всегда прису-
да произведениям искусства народного,
будь то драмы Шекспира или Пушкинский
«Ворск Годунов». Стремясь продолжать
традиции классицизма, Корнейчук обращается
к разным драматургическим формам: его
«Гибель эскадры» — это народно-героиче-
ская эпопея, его «Богдан» — народная
драма, его «В степях Украины» — народ-
ная комедия.

Корнейчук любит живописать толпу,
многочисленность, шумную, оживленную игру
противоположных чувств. В «Богдане
Амельничком», в «Правде», в «Гибели
эскадры» народные сцены составляют осно-
вую действия. Корнейчук — мастер эпи-
зода, он умеет схватить характер двумя-
тремя штрихами, его пьесы населены людь-
ми самобытными, яркими. Рядом с Чесо-
лом и Галушкой выступают воинственные
«деды» Остап и Тарас; в «Богдане» заво-
евывает симпатии зрителей веселый и
благородный Гаврила, метящийся расу пона
бросивших досехи сотника, а в «Крыльях»
вызывает веселый смех колхозник Качап,
тихонько пытающийся вырваться в затянута
собрания, где «товарищ Овчаренко»
вот уже третий час подряд уныло цитирует
«товарища Нудника». И все это — плод
живых наблюдений, прямых «замет серд-
ца», любви писателя к самому дорогому
своему герою — человеку из народа.

Корнейчук чрезвычайно театрален. Его
пьесы на сцене обычно богаче, чем они
представляются в чтении. Он не боится
примитивности, броскости, монолога, ба-
льзальных слов, коимма, порой даже про-
стесного. Его пьесы, свободные по компо-
зиции, обычно весьма динамичны, они текут
в напряженном действии. Он умеет выде-
лать вниманием зрительного зала и за-
тем вести его в нужном направлении. Чего
стоит один только великолепный «зачин»
его пьес, будь то вариация «Гибель эска-
дры», оживающая «Гибель эскадры», или ни-

чужий и ра-
стущий художник.
И сегодня, как двадцать
с лишком лет назад,
когда являлся его
вдохновенный «Гибель эскадры»,
молод и свеж
его писательский дар,
попрежнему влекут
его к себе непроторенные дороги.
Его творческий путь далеко еще не завер-
шен, но одно несомненно: уверенное шестие
пьес Корнейчука по сценам советских и
зарубежных театров говорит о том, что
этот плодотворец, что он является за-
логом новых больших свершений в искус-
стве, которых ждет народ от одного из
интереснейших драматургов наших дней.

Александр Корнейчук — живой и
растущий художник. И сегодня, как двадцать
с лишком лет назад, когда являлся его
вдохновенный «Гибель эскадры»,
молод и свеж
его писательский дар,
попрежнему влекут
его к себе непроторенные дороги.
Его творческий путь далеко еще не завер-
шен, но одно несомненно: уверенное шестие
пьес Корнейчука по сценам советских и
зарубежных театров говорит о том, что
этот плодотворец, что он является за-
логом новых больших свершений в искус-
стве, которых ждет народ от одного из
интереснейших драматургов наших дней.

Александр Корнейчук — живой и
растущий художник. И сегодня, как двадцать
с лишком лет назад, когда являлся его
вдохновенный «Гибель эскадры»,
молод и свеж
его писательский дар,
попрежнему влекут
его к себе непроторенные дороги.
Его творческий путь далеко еще не завер-
шен, но одно несомненно: уверенное шестие
пьес Корнейчука по сценам советских и
зарубежных театров говорит о том, что
этот плодотворец, что он является за-
логом новых больших свершений в искус-
стве, которых ждет народ от одного из
интереснейших драматургов наших дней.

Александр Корнейчук — живой и
растущий художник. И сегодня, как двадцать
с лишком лет назад, когда являлся его
вдохновенный «Гибель эскадры»,
молод и свеж
его писательский дар,
попрежнему влекут
его к себе непроторенные дороги.
Его творческий путь далеко еще не завер-
шен, но одно несомненно: уверенное шестие
пьес Корнейчука по сценам советских и
зарубежных театров говорит о том, что
этот плодотворец, что он является за-
логом новых больших свершений в искус-
стве, которых ждет народ от одного из
интереснейших драматургов наших дней.

Александр Корнейчук — живой и
растущий художник. И сегодня, как двадцать
с лишком лет назад, когда являлся его
вдохновенный «Гибель эскадры»,
молод и свеж
его писательский дар,
попрежнему влекут
его к себе непроторенные дороги.
Его творческий путь далеко еще не завер-
шен, но одно несомненно: уверенное шестие
пьес Корнейчука по сценам советских и
зарубежных театров говорит о том, что
этот плодотворец, что он является за-
логом новых больших свершений в искус-
стве, которых ждет народ от одного из
интереснейших драматургов наших дней.

Стихи ровесника

Я никогда не видел
Назара Наджи. В его
эпиге «Лирка», из-
данной в «Молодой гвардии» в прошлом го-
ду, нет биографической справки, но возраст
автора, более того, год рождения каждого
его стихотворения легко можно определить,
даже не взглянув на дату под последней
строкой.

Небольшая лириче-
ская поэма «Мать» и
большинство стихо-
творений Наджи — произведения закон-
ченные, хорошо организованные, прочно
сбитые.

Но ровесники разговаривают на «сты» —
предельно откровенно, и я должен сказать
Назару Наджи, что его «Песни родному
городу» похожа на товарный поезд: такая
длинная и такая громыхающая. Но даже
в товарном составе количество вагонов
ограничено, и их невозможно выбрасывать
или перемещать на ходу. А в этой песне
можно что угодно сокращать или перестав-
лять, и крушения с ней от этого не случат-
ся. Не к лицу хорошему, сердечному
поэту Назару Наджи разговаривать дозуга-
ми у могилы отца, здесь должны быть
другие — скучные и горькие, как мужские
слезы. Слова. Не к лицу поэту и шаблон-
ная береза над могильным холмом и такие
правильные, но не свои строки:

Земля шедра: захочешь потрудиться...
И даст она богатый урожай...

И еще, Назар Наджи! Па-
троны, о которых выше шла
речь, лежат в запасе, и поро-
х в них должен быть сухим. От
поэта-солдата требуется больше
сегодняшних стихов о нашей
армии, о нашей мощи, и их
надо писать вопреки некото-
рым недалёковидным крити-
кам, которым, видите ли,
«сдадено о войне».

Все это требования по большому
счету, и нет никакого
сомнения, что Назар Наджи
поймет их.

Марк МАКСИМОВ

Новые темы, новые образы

В сборник «Баш-
кирская советская
драматургия», выпу-
щенный издательством
«Искусство» в
1954 году, вошло пять пьес, на-
писанных башкирскими писателями в
разное время, затрагивающих самые раз-
личные темы. Здесь и произведения о
жизни колхозной деревни — «Друзья Ша-
вкатова» («Одинокая береза») Мустая Карима,
и о рабочем классе («Глубоко дышащие»,
«Сны» И. Абдуллина «Утро го-
рода» К. Марганя), и об освободительной
борьбе башкирского народа («Салават»
Б. Бикбая). Пьесы эти дают возможность
проследить некоторые тенденции, наметив-
шиеся сейчас в драматической литературе
республики.

На примере ли-
тературной пьесы Мар-
гана, рассказывающей
о строительстве социалистического го-
рода, можно проследить и еще один
недостаток, свойственный некоторым
драматическим произведениям писателей Баш-
кирии. Он состоит в нечеткости компози-
ционного построения, в неумении строить
сюжет. Может быть, какую-то роль играет
здесь и то, что сюжеты, конфликты явля
произведений кажутся несамостоятельными.
Сколько раз, к примеру, у нас уже
изображалось столкновение
между рутинером — главным инженером
(в данном случае главным геологом)
и передовым молодым специалистом!
И пусть И. Абдуллин внес в пьесу «Глу-
боко дышащие» много интересного, све-
жего, все же пьеса не говорит о неповторимо
своем видении жизни, о принципиально
новом разведывании темы.

Да, есть еще, несомненно, недостатки
в работах башкирских литераторов, много
предстоит им еще сделать, чтобы до конца
овладеть трудным мастерством драматиче-
ского писателя. В то же время пьесы, вы-
шедшие из-под их пера, обладают большой
притягательной силой, в них чувствуется
живое биение времени, есть яркие столкно-
новения, своеобразно решенные сцены, на-
циональный колорит.

Удачи сопровождают работу башкирских
драматургов тогда, когда они активно
вмешиваются в жизнь, когда уверенно и горячо
поддерживают все лучшее, передовое,
когда смело и самостоятельно, действительно
по своему, рассказывают о людях, которых
выростила республика, о событиях, опре-
деляющих ее сегодняшнее лицо.

Т. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ

Источник вдохновения

В одном из старых
номеров журнала «Ок-
тябрь» мне попала
статья, принадлежавшая
перу И. Павленко. В
статье говорилось о «Фронте» Корней-
чука, о том, что эта пьеса есть голос
народа, записанный автором.

Нельзя же кажется, сказать о драма-
тургии Корнейчука точнее.

Мы видим в народности одну из основ
метода советского искусства, его непре-
менную и общую черту. Но есть худож-
ники, для которых народность — не только
общий признак, роднящий их с товари-
щами по профессии, но и то индивидуаль-
ное, что придает им «лица» не общее вы-
ражение», во всем определяет их творче-
ский облик. И воспринимая Корнейчука,
как такового вот писателя — народного
по замыслу, по идеям и образам, по духу,
по форме, по языку.

Муза Корнейчука находит себя в актив-
ном и деятельном служении народу. Его
выступают темы наибольшего общественного
значения, он увлечен сражаться на глав-
ном направлении, там, где сегодня, сейчас
идет напряженная борьба за новое. Его
пьесы неоднократно по качеству, — это
удачные, есть менее удачные, — но все
его творчество равно пропитано стремле-
нием действовать на «передовой линии
огня», приравнивая к штыку свое писатель-
ское перо.

«...Так глубоко и весторонне знают
жизнь нашего народа, нашей страны...
умень так эту жизнь обобщать, чтобы по
нашим произведениям, по тем проблемам,
которых они касаются, писатели партий-
ные постановления, чтобы наши произведе-
ния оплодотворяли работу наших филь-
софов, историков, ученых, наших партий-
ных и советских руководителей работни-
ков», — вот сформулированная самим пи-
сателем его творческая программа-максим-
ум, стелем желанного для него вхожде-
ния в жизнь.

Это достигнуто не только во «Фронте» —
пьесе, законно появившейся на страницах
«Правды» в суровые дни 1942 года.

И в номерах, где печата-
лись военные сводки
Информбюро и коррес-
понденция с поля боя.
Корнейчук черным
скандинавским шрифтом
задал тогда о том, что можно стать помехой
к победному шествию нашей армии, к скорей-
шей и полному разгрому врага. Но и мно-
гое другое он успел и сумел сказать пер-
вым.

Так, в пору, когда во многих наших пьесах
интеллигенция все еще изображалась
смятенной, лишь ищущей пути слияния с
народом, Корнейчук создал цельный, гармо-
нический образ советского ученого, поэта в
своей профессии, борца за продление чело-
веческой жизни. Проблематика «Платона
Кречета», развивающаяся в борьбе гумани-
зма и бездушия, творчества и чиновничьей
серьезности и бескультурности, — долгие
годы потом и, кажется, до сих пор пугала
и пугает пьесы об интеллигенции, о людях
науки. Непонятным в «Кречете» оказалась
и образ «мастера жизни» Береста с его
глубочайшей партийностью, с его хозяй-
ским глазом и чутким сердцем, умением
распознавать людей, поддерживать новое,
расцвечивать.

Корнейчук был едва ли не первым худо-
жником, поднявшим в своем «Богдане
Амельничком» тему исторической близости
русского и украинского народов. В комедии
«В степях Украины» писатель чутко уга-
дал одну из характерных форм конфлик-
та между народами и отсталыми внутри
нашего общества, сделав нарицательными
имена Чесолом и Галушки; он был в числе
первых советских драматургов, воплотивших
образ великого Ленина. Наконец, в
«Крыльях» опять-таки первым заговорил
о ряде важнейших проблем нашего
сегодняшнего дня.

Вот почему драматургию Корнейчука в
целом можно, мне кажется, рассматривать
как своего рода летопись жизни на-
рода.

Корнейчук умеет взглянуть на окру-
жающие его явления с широкой, общена-
родной точки зрения. Он всегда раздвигает
рамки частного случая до масштабов обще-
ственного, интересного всему народу.

Сайфи КУДАШ

Прошел я долгий, трудный путь, когда расстались мы,
Тот путь душевные лета был, суровые зимы.

Пуская осенняя меня пронизывала мгла,
Но у случайного огня я не искал тепла.

Любовь я осторожно нес сквозь пыль и грязь дорог,
Ее на ветер не бросал, в душе своей берег.

Я на ухабах среди камней ее не потерял,
Глазам несмытым и рукам укрывать ее не дал.

Идя по трудному пути, по долгому пути,
Сумел свою любовь к тебе я чистой пронести.

Перевела с башкирского Е. НИКОЛАЕВСКАЯ

А. Корнейчук в 1942 году на ретениции своей пьесы «Фронт» в Малом театре. Слева направо: Н. Анненков, А. Поляков, А. Корнейчук и М. Царев.

В героической истории черноморской
эскадры он увидел обобщенный образ рево-
люции в ретениции момент схватки с
внутренним врагом; в судьбе хирурга про-
вицианской больницы Кречета — новый
этап становления нашей интеллигенции.
И даже «Фронт», эта как будто сугубо
военная пьеса, по существу, выходит
за рамки «чистой» военной тематики.
Речь во «Фронте» идет о конкретных нуж-
дах армии, о необходимости замены отста-
вших командиров, способных «загубить
наше великое дело», но также о том, что
нельзя жить с годовою, перенуть назад,
равняясь на вчерашний день страны; о
том, как опасны застой, омертвление духа,
вечное «обратнение», как говорил в свое
время Маяковский. Так военная пьеса
Корнейчука «сдвигается» к важнейшей те-
ме всего нашего искусства — теме борьбы
с рутинизмом, с тем, что мешает и препят-
ствует поступательному движению народа.
Именно здесь происходит сегодня одна из
революционных «линий фронта».

Пьесы Корнейчука ярко национальны.
В них все дышит родной драматургией
Украины: и сочный юмор, и самый характер-
ный неповторимый, и мягкая характер-
ность языка, оживляющая даже самую кон-
туру перевода. Его пьесы ясны, жанрово-
определены, они словно облиты чистым
украинским солнцем, облиты теплыми
взглядами привольных украинских степей.

В гуще родного народа подсмотрел
Корнейчук эти великие, лихие фигуры
пламенного Комиссара, народного вожака
Амельничком, художника-хирурга Крече-
та, патриота-шхтера Макара Дубра-
вы. И каким гневным презрением,

НАРОД ФРАНЦИИ— ЗА ПЕРЕГОВОРЫ!

Трудно спорить с тем, что солнечный свет идет к нам с востока: ныне каждый констатирует, что, подобно солнцу, Советского Союза, к нам идут одна за другой прекрасные примеры борьбы за дело мира.

Ирчайшим образом вновь продемонстрирована непреклонная воля страны социализма к добрососедским взаимоотношениям со всеми странами, каковы бы ни были их политической и социальной строй.

Общественное мнение Франции считает достигнутыми в Вене результаты великодушным, достойным подражания примером мирного урегулирования назревших международных вопросов. Все парижские газеты единодушно признают первостепенную роль, сыгранную Советским Союзом в мирном разрешении австрийской проблемы.

Сообщения о согласии Советского Союза принять участие в переговорах четырех великих держав на самом высоком уровне и о поездке в конце месяца советских руководителей в Бельгию произвели не только сенсацию, но и поселения в сердцах людей самые радужные надежды. То же самое можно сказать о последних заявлениях П. А. Буганина и о внесенных 10 мая предложениях Советского Союза относительно сокращения вооружений, запрещения атомного оружия и устранения угрозы новой войны.

Все люди доброй воли признают глубокую искренность предложений Советского Союза. В своем огромном большинстве французы и француженки выражают уверенность в том, что принятие советских предложений создало бы объективные условия для упрочения мира.

Таково мнение не только широких трудящихся масс, но также и отдельных представителей буржуазии. (Чтобы понять их психологию, нужно, помимо всего прочего, учесть, что они глубоко встревожены недавним биржевым крахом, который пошатнул всю финансовую структуру страны. Столь небывало резкое падение акций на бирже привело свет на всю непрочность военной экономики Франции). Многочисленные руководящие деятели различных партий и организаций присоединяются к чувствам французского народа.

Франсис Га, видный католический деятель, сидя на аэродроме в Орли с самолетом, который доставил его из Москвы, заявил журналистам:

«Мы никогда не забудем огромных усилий, которые приложил Советский Союз, чтобы обеспечить победу в войне. Мы подтверждаем признательность французам Советскому Союзу. Мы горючо желаем, чтобы»

«Ангел-хранитель» Франции... Фотомонтаж А. Житомирского

Французский народ отдаст все силы для победы правого дела, дела безопасности и мира. В этом народы могут быть твердо уверены.

Париж, 25 мая. (По телеграфу).

Мое первое знакомство с Шолоховым состоялось при чтении «Поднятой целины». Я читал ее всю ночь напролет. А через несколько недель уже перечитывал снова. То, что мы называем «сознанием», было тогда во мне молодо, еще только формировалось. Я понял, что такое революция: трудность раздробить окаменелости старого, удовлетворение и творческая радость, когда ставятся зримые контуры нового. Шолохов показал мне противоречия, через которые совершается развитие. Но он не отступил меня. Он привлек меня, поставив близке к моему сердцу.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Флоримон БОНТ, французский публицист

самым путем к последовательному и контролируемому разоружению».

Рене Капитан, бывший министр национальной образования в кабинете генерала де Голля, заявил:

«Совершенно необходимо изменить политический курс, принесший парижские соглашения, курс, который увеличивает международную напряженность и приближает риск всеобщего пожара войны. Вместо этой политики нужна политика разрядки напряженности. Огромной заслугой Советского Союза я считаю то, что он проявил инициативу в этом направлении».

В адрес председателя кабинета министров Эдгара Фора поступил призыв 137 видных французских деятелей, представляющих все слои и различные политические мнения. В этом документе выражается сожаление по поводу того, что правительство предлоило поспешно ратифицировать парижские соглашения. Урегулирование австрийского вопроса, говорится далее в призыве, служит примером, который «годится также и для Германии».

Все эти разнообразные выступления имеют тем большее значение, что они опираются на усиливающееся с каждым днем и крепнущее единство трудящихся социалистов и коммунистов. И это, невзирая на различные рогаки и препятствия со стороны исподкожа социалистической партии, возглавляемого Ги Молле.

Вместо того, чтобы содействовать урегулированию германской проблемы и тем самым выполнить свой прямой патриотический долг, правящие круги нагрудлились на священной памяти мучеников, погибших за Францию, избрав именно день празднования 10-й годовщины победы над гитлеровскими варварами, чтобы торжественно принять Западную Германию в агрессивный Северо-атлантический блок. Они нанесли возмездное оскорбление французскому народу: на виду у всего Парижа, в нескольких стах метрах от Триумфальной арки, где под священной плитой покоятся останки Неизвестных Солдат двух мировых войн, развязанных германским империализмом, над дворцом Шайо был поднят флаг нацистских генералов-реваншистов. И в довершение надругательства был исполнен гимн «Германия превыше всего» с наглой строчкой о том, что германская империя должна простираться от Мааса до Немана, от Аидже до Балтики. И так, французские правители сделали германский милитаризм своим союзником.

Но германский милитаризм не может быть союзником французского народа. Наш народ (и все его действия это подтверждают) не страдает короткой памятью, он ничего не забывает. Он чувствует на теле своей страны неизгладимые рубцы, нанесенные гитлеровскими ордами. Ненависть французского народа к германскому милитаризму неистребима. И в то же время наш народ питает бесконечную признательность к Советскому Союзу. Он остается навсегда верным своей традиционной дружбе с народами Советского Союза, зная, что эта дружба является для него самой верной из всех гарантий.

Французский народ отдаст все силы для победы правого дела, дела безопасности и мира. В этом народы могут быть твердо уверены.

Париж, 25 мая. (По телеграфу).

век, который произнес его, наказывают, наказывают за его собственные мысли. Но в след за первой мыслью прорываются новые, группируясь, как кристаллы. Сперва это робкие, не связанные догадки. Потом наступает день — и приходит счастье встречи с учителем, подтверждающим, что возмущает нас земля.

Но это лишь маленькая частица того, что в моих глазах составляет его художественную мощь.

Он не гордится, он оставляет себе время, чтобы обрисовывать им ход развития, предстал нам во всем правдоподобии. Он ставит своих героев во все новые ситуации, в которых накаляются их опыты: он показывает, как растет в них новое, как они отходят от старого.

Он не принуждает. Он дает понять, что мы тем раньше придем к человеческой жизни, чем скорее уничтожим зверское, тупое, не поддающееся перевоспитанию. Он не дает нам понять, что уничтожение противника, в какой-то мере всегда тяжелое для отдельного человека, почти убивающее его самого, может быть более полезным для народа в целом.

Он не подчеркивает незначительных фактов, а сосредоточивает внимание на действительно неповторимых пунктах исто-

Чего добиваются господа Лоуренсы

В то самое время, как государственный секретарь США Даллес для официального согласия на встречу глав правительств четырех великих держав, ведущие американские газеты словно по команде принялись развешивать и опорочивать идею этой встречи, не суля ей ничего, кроме фиаско. Особенно старается внешнеполитический обозреватель газеты «Нью-Йорк геральд трибун» Дэвид Лоуренс, он же редактор близкого к государственному департаменту журнала «Онлайнд Стейтс ньюс энд Уорлд рипорту». «В частном порядке правительственные деятели США заявляют, что они не пытаются никаких иллюзий» относительно намеченной встречи, — утверждает он, — и согласился на переговоры, лишь боясь «поардить избирательной кампании английских консерваторов».

Сам Лоуренс не скрывает, что он против встречи глав правительств четырех великих держав. Он боится, что она даст «крупные пропагандистские преимущества коммунистам», «повысит их престиж». Лоуренсу явно не по вкусу политика мира, проводимая Советским Союзом.

Лоуренс утверждает, что намеченная встреча будет «победой России» и национальным унижением для США. «Президент Соединенных Штатов поедет за 3000 миль просить мира на встрече с главой Советского правительства... Что может быть постыднее зрелища, когда президент США поедет в Европу и будет заседать вместе с главами других правительств для того, чтобы создать у людей впечатление, будто делается действительно что-то важное для ослабления международного напряжения».

Лоуренс — типичный выразитель взглядов наиболее оголтелых проповедников политики «с позиции силы». Он и призывает к отказу от переговоров, в которых заинтересованы все друзья мира. Но попутно и Лоуренс

и другие осведомленные американские журналисты выхватывают правду: определенные круги Вашингтона маневрируют, используют в политических целях фразу о переговорах, вовсе не стремясь к действительному достижению соглашений для ослабления международной напряженности.

Об этом свидетельствует ряд признаков. Начать хотя бы с того, что официальные органы Вашингтона выдвигают заведомо вздорные и несуразные предложения насчет содержания переговоров. Они полагают, как видно, что могут явиться на совещание глав правительств четырех великих держав с такими, например, дикими предложениями в кармане, как ликвидация неродно-демократических режимов в странах Восточной Европы или «запрещение коммунизма», то есть, по существу, всякого прогрессивного движения в капиталистических странах. Забывая элементарную истину о том, что народы по своей воле выбирают свой социальный строй и что никто и ничто не может заставить Чехословакию, Польшу, Венгрию, Румынию, Болгарию, Албанию изменить сделанный ими окончательный выбор в пользу социализма, американские политики выставляют нелепое предложение о том, чтобы СССР позволил провести в этих странах «выборы под наблюдением ООН», а один из них, лидер республиканской партии в сенате США, Ноулэнд, потеряв всякое чувство меры, требует ни много, ни мало, как... отторжения от Советского Союза Латвию, Литву и Эстонию. Достоинственный сенатор явно позабыл, в какое время он живет.

Не менее откровенно, чем Лоуренс, раскрывает намерения Вашингтона и Джеймс Рестон, хорошо осведомленный корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс». Он с предельным цинизмом говорит о том, что западные державы только спекулируют на идее переговоров че-

тырех великих держав в своих собственных конъюнктурных политических целях. Рстон признает, что «в Вашингтоне многие относятся скептически к переговорам». «Однако», — продолжает он, — Англия, Франция и Соединенные Штаты находятся накануне выборов, и политические деятели, стоящие во главе правительства этих стран, пришли к убеждению, что совещание Большой Четверки будет правильным политическим шагом».

Права, заявляет он, само правительство США могло бы и подождать с открытием переговоров: «До выборов в Соединенных Штатах еще далеко, поэтому выное общественное мнение, требующее совещания четырех держав, ощущается здесь еще не так сильно». Однако, продолжает Рестон, надо прийти на помощь другим западным странам, положение которых прямо-таки критическое. «Западногерманский канцлер Аденауэр, французский премьер-министр Эдгар Фор, так же как Антони Иден, дали совершенно ясно понять официальным кругам в Вашингтоне, что общественность и парламентские круги в их странах высказываются в пользу совещания Большой Четверки и могут повернуть против них, если Вашингтон откажется согласиться на переговоры».

Нужен ли более яркий пример того, как идея международных переговоров превращается в руках западных политиков в средство предвыборных махинаций, в средство обмена народами, попрания их самых светлых надежд и самых насущных интересов?

Н. Н.

ГОРОДА И ЛЮДИ

ШАНХАЙ СЕГОДНЯ

Шанхай — город-колонна. Его дыхание мы почувствовали издали, за несколько десятков километров. Еще пассажиры, ехавшие в Шанхай, не начинали укладывать дорожные вещи, а за окнами поезда замелькали соломенные паруса. Часто не было воды, и казалось, что дюнкины плавали по земле среди зеленевших рисовых полей и кукурузных рощиц. Сотни дюнок двигались по десяткам рек, речек и каналов.

На широкой платформе главного здания Северного вокзала нас встретили гостеприимные шанхайские товарищи. И вот мы двинулись на автомашинах по городу. Перед нами распахнулась широченная улица до предела забитая людьми. Возникали кварталы роскошных особняков, покрытых красной черепицей, пыльные парки с узурчатыми беседками в густой зелени. То здесь, то там вставали, словно сухие серые скалы, небоскребы.

Улицы Финан-лу. Мы вышли из машины и сняли шляпы: перед нами стоял памятник Пушкину. Приподнял голову, великий русский поэт задумчиво смотрел куда-то вдаль. Сопровождавший нас работник городского правительства Ван Вэй-и рассказал: памятник поставлен в сотую годовщину со дня смерти А. С. Пушкина. Это первый и пока единственный в Китае памятник иностранному поэту.

В годы оккупации японцы разрушили памятник. Но после освобождения он был восстановлен. В день, когда монумент вновь встал на свое место, китайский поэт Цзан Кэ-цзя написал стихи, в которых есть такие строки:

Ты стоишь высоко-высоко, Пушкин. Человечества чистая совесть.

Из окна номера на 12-м этаже гостиницы, куда мы добрались уже к вечеру, открывалась сказочная панорама города. Фонари, словно святилища бусы, тянулись извилистыми цепочками вдоль городских магистралей, обозначая их контуры. Мы как бы увидели на земле звездные рисунки неба: Большую Медведицу и Гонимых Псов, созвездие Ориона. А в центре протанулся Нанкин-лу — бывший деловой центр международного селльмена. Огни одинолись там как плотно, словно пролет небесный Млечный Путь.

Когда я сказал об этом Ван Вэй-и, он улыбнулся. Про Млечный Путь, ответил он, живет в народе красивая легенда: через этот путь пролетает «Сорочий мост». На нем каждый год 7 июля встречаются пастух с ткачихой.

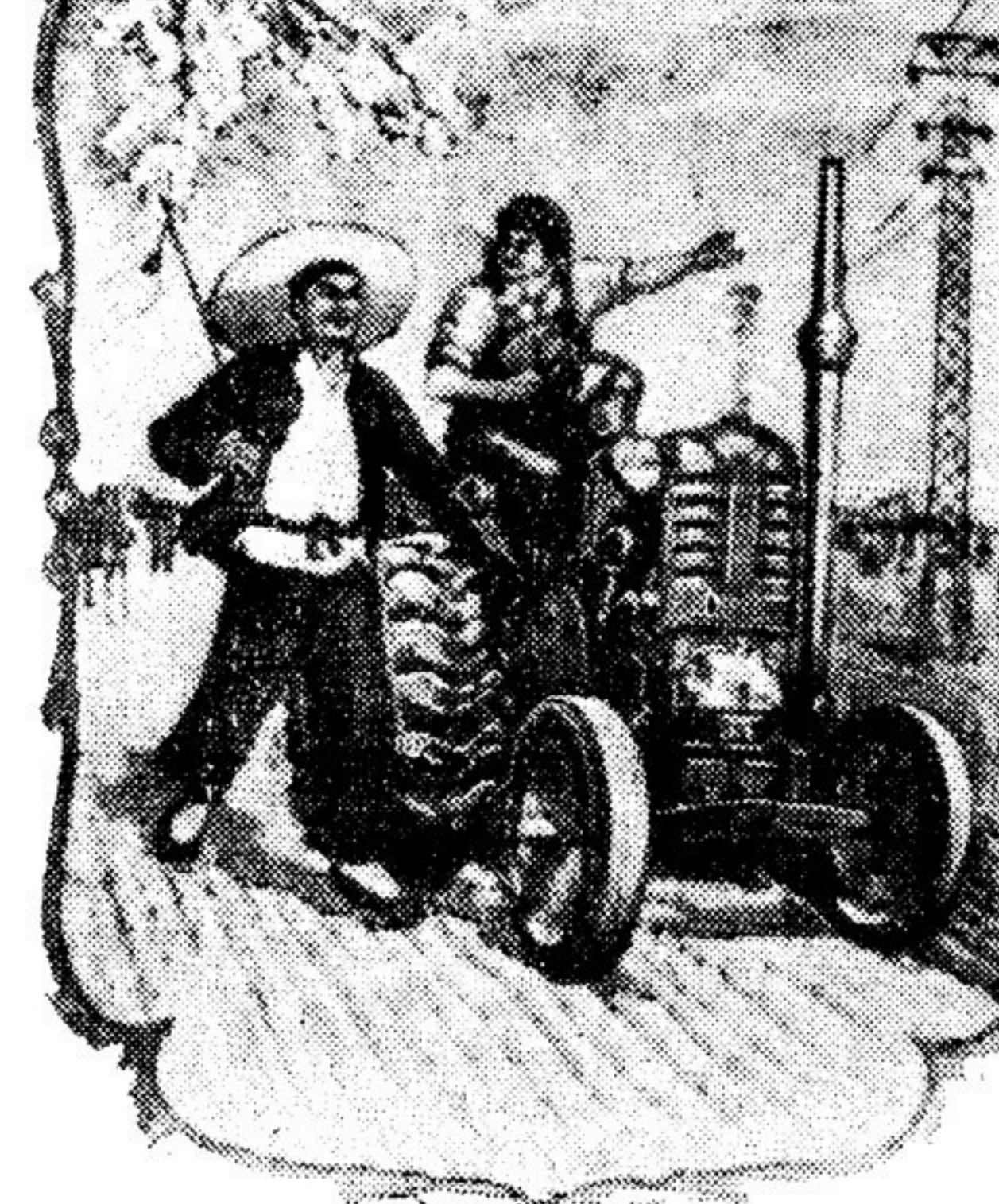
— А через вот этот, земной Млечный Путь проходит «Сорочий мост», где могли бы встретиться земные пастух и ткачиха? — спросила мы, покачивая на Нанкин-лу.

— Об этом, — ответил Ван Вэй-и полудушито, полусерьезно, — я расскажу вам

С. КОЖЕВНИКОВ, собственный корреспондент «Литературной газеты»

завтра. Утро вечера мудренее, как гласит ваша русская пословица... Утро вставало над городом, все было заполняющимся шумом. На улицах появилось множество людей, машин, велосипедов, двухколесных тележек. На берегу Сючжоу, в Чапсе, в районе Лунхуа дымилась заводские трубы. На реке гудели пароходы.

В Шанхае выросло за последнее время много новых рабочих районов, новых заво-

Союз рабочих и крестьян. Картина китайского художника Ван И-гуана

дов и новых театров, дворцов культуры. Новая жизнь изменила и самую душу огромного города. Председатель профсоюза портных рабочих Хуан Ман-фын рассказал мне о «четырех «скоро», за которые борются грузчики и лодочники (скоро грузить, скоро разгрузить, скоро отвезти, скоро вернуться), и привел один случай, который произошел недавно в Шанхае.

Как-то рано утром грузчики пришли на английское океанское судно, чтобы выложить одно из четырех «скоро» — скоро разгрузите. Это нарушило сон боцмана. Выскочив из кубрика, он со всего размаха ударил грузчика Лю Цзо-цзя. Тот спойоню взял боцмана за руку. Англичанин решил, что грузчик хочет ударить его. Но он ошибался. Лю Цзо-цзя посмотрел ему в

...Вокруг него много легенд — добрых, а иной раз и злых. Кто толку в этих рассказках? Он работает, и думаете мне, упорно работает. Такие книги, как его, не пишутся между двумя заседаниями. Это — художественные творения, великие творения.

Писатель, такой, как Шолохов, который создает такие образы, должен быть вулканическим. В своем московском дневнике я записал: «Шолохов был нам знаком по единственной фотографии. Он был на ней юным, нежным, уж во всяком случае не крестьянского облика. Таким рисовался он и в нашем представлении. Но на трибунах стоял коренастый человек с ясным лбом, сверкающим боевым взглядом и непокорными волосами...»

Несколькоми днями позже я видел его лицом к лицу в прекрасном Московском университете имени Ломоносова на Ленинских горах. Меня представили ему. Он внимательно посмотрел на меня, очень внимательно, и протянул руку. Для меня это мгновение было большим и тревожным.

Он сказал лишь несколько слов люкующим студентам различных стран мира. Мне кажется, я чувствовал, как он был растроган. Есть люди, которые не умеют выставлять свою растроганность напоказ, как красивый галстук. Они предпочитают спрятать ее... Мне кажется, он принадлежал именно к таким.

В Советском Союзе есть много стариков, которые дышат вольным воздухом широких просторов и живут до ста лет. Я желаю ему быть в их числе. К счастью, он лишь на полпути к этому возрасту. Пронувшиеся и просыпающиеся народы всего мира уверенно ждут от него еще много хорошо написанных книг.

глаза, как может смотреть сильный и знающий себе цену человек. Боцман был поражен. Раньше, когда ему доводилось бить китайских грузчиков, те лишь сгибались, пряча голову от ударов.

Я не хочу преувеличивать умственные способности этого боцмана-террориста, но допускаю, что в его твердой голове мог возникнуть вопрос: «Что же произошло?»

Во второй половине дня профсоюз портных рабочих пригласил к себе капитана этого корабля и боцмана и предложил им извиниться перед грузчиком Лю Цзо-цзя. Англичае извинились. Что поделается? Прошли старые «добрые времена»...

После 27 мая 1949 года, когда был освобожден Шанхай, колонизаторы твердят: народ не сможет управлять таким городом. Он захлебнется в трудностях. Спекуляция и коррупция все затопят, все захлестнут.

Я беседовал с одним из руководящих работников городского комитета Коммунистической партии Ван Цзя-чуном. «Наладить жизнь в таком gigante, направить ее по новому пути было не простым делом», — сказал Ван Цзя-чун. «Частка капиталистическое море, а на первых порах оно было намного сильнее государственного хозяйства, сразу же разбухнуло. Несколько тысяч человек спекулировали валютой. В феврале 1950 года чанкайшестские летчики на американских самолетах начали бомбить город. Враги пытались взорвать электростанцию и железную дорогу, приостановить работу предприятий, задушить население голодом. Блокада в первые месяцы лишила текстильные фабрики хлопка.

Казалось, город замер. Но он не замер, ибо хозяйство его стал народ.

Уже в июне 1950 года производственная и торговая жизнь Шанхая упорно шла вперед, вошла в берега, которые установил ей новый хозяин. Но ошибочно было бы думать, что некоторые капиталисты отказались от попыток вырваться из этих берегов.

Ван Цзя-чун привел множество фактов сопротивления капиталистических элементов, их коварных приемов борьбы. — Вы, конечно, знаете по опыту своей страны, — сказал Ван Цзя-чун, — каков будет ответ на вопрос: «кто-кого?».

В дни моего пребывания в Шанхае там открылась выставка шелковых тканей Восточного Китая. На павильоне я прочитал: «Отбрасывая отжившее, развивая новое, добиваться общего процветания».

Перед нами открылась совершенно изумительная картина — шелковые ткани, испещренные, струнившиеся, как волны. Отражая солнце они светились блестяще. Там были шелка более 120 разновидностей.

Шанхай можно назвать трудолюбивым ткачом, который своими тканями ежегодно одевает миллионы людей. Здесь находится почти половина всех текстильных предприятий страны.

И на одном из них, в цехах 2-й государственной текстильной фабрики, Ван Вэй-и досказал легенду о ткачихе, встречавшейся с пастухом на Млечном Пути.

Она была искусной мастерицей, эта ткачиха. В надобных высотах она выткала небо с солнцем, звездами и луной, а затем спустилась на землю, чтобы своим трудом украсить и ее. Но злые силы связали ей руки. Ныне эти руки свободны.

Брасота шанхайских тканей поражает. Художник одной текстильной фабрики сказал нам: «Мы хотим, чтобы цветы, которыми люди любовются в парках, росли на платке и в сердце каждого человека».

На шанхайской палитре за последние годы появилось много новых красок. П одна из них — индустриальная — горит все ярче и ярче.

Главный редактор Б. РЮРИКОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИЯ, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМОРНОВ.

«И все же Варшава»

«Мертвый, пустынный город. Развалины, угрожающие клеткам выгоревших домов, едва различимые, когда-то прекрасные улицы и проспекты. Здесь была Варшава... Кто это сделал?»

Кадры кинофильма один за другим раскрывают перед зрителем историю чудовищного преступления немецкого фашизма, пытавшегося навсегда стереть с лица земли один из красивейших городов мира.

«Вот они бродят по обезлюдевшему городу, методично ищут в фильмах, расказывают театры, библиотеки, музеи и уходят со злобной улыбкой, оставляя после себя пустыню...» Но с Востока приходит возмездие. И вот уже жители Варшавы, освобожденной Советской Армией, возвращены в свой родной город, разбирают развалины, камешки кладут первый кирпич, начинается новая жизнь польской столицы. Вопреки всему Варшава живёт!

Документальный киночерк «И все же Варшава» создан тремя французскими художниками — Маньяном, Беллоном и Касаресом. В своей работе на фильм, рассказывающий о продуманном и планомерном уничтожении города германскими фашистами и о героических усилиях польского народа, восстановившего Варшаву, они использовали кадры из польских фильмов о Варшаве, материалы из французских киножурналов и гитлеровских хроник и написали яркий текст к кинокартине.

Необычайно и очень характерной оказалась судьба этого киночерка во Франции. В конце прошлого года кинофильм «И все же Варшава» впервые вышел на экраны и сразу же привлек к себе внимание. Парижанам, которые ждали сведения из делегации в парламенте, обсуждавшей пактские соглашения, он живо напомнил картины прошедшей войны, показал разрушительную силу германского милитаризма. Фильм стал документом, свидетельствующим против вооружения гитлеровских солдат и эсэсовцев, разрушивших Варшаву.

Защитники парижских соглашений не могли не выступить против кинофильма «И все же Варшава». Кампания возглавил Ле Буур, секретарь реакционной профсоюзной организации «Форс увриер». В еженедельнике «Форс увриер» некто Дром напечатал статью, содержащую грязные нападки на авторов фильма. Сам Ле Буур направился в комитет цензуры и потребовал снятия фильма с экранов. Но комитет отказался пересмотреть свое решение. Когда история с кинокартиной «И все же Варшава» получила широкую огласку, на сеанс была приглашена группа сенаторов и депутатов парламента, и почти все они высказались в пользу кинофильма.

Что же оставалось делать Ле Бууру в его пособничестве? Они продолжали клеветать на фильм и его авторов в печати и по радио, призывали к организации скандалов в кинотеатрах. Но это уже не могло повлиять на успех кинофильма. С экранов Парижа он перешел на экраны других городов, его увидели жители французских сел.

Права об одном из преступлений гитлеровского фашизма во второй мировой войне облетает Францию, кинофильм о Варшаве — предостережение для каждого честного француза.

Реакционные французские политики проголосовали за вооружение Западной Германии.

Но как одно из доказательств того, что народ Франции никогда не прекратит борьбы против парижских соглашений, на экранах многих кинотеатров страны — провинциальных городов — написаны слова: «И все же Варшава».

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Прошу передать через Вашу газету мою искреннюю благодарность всем организациям и товарищам, выразившим свою солидарность по поводу смерти Виктора Гольцева Гольцева.

Юлия Гольцева

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО при Союзе писателей СССР

ОБЪЯВЛЯЕТ ПРИЕМ В АСПИРАНТУРУ (с отрывком и без отрыва от производства) по специальности: советская и современная зарубежная литература

Принимаются лица, имеющие законченное филологическое образование и проявляющие способность к критической и исследовательской работе. При представлении обычных документов (заявления, автобиография, личный листок, характеристика, копия диплома, справки о здоровье и с места жительства, два фотографии) необходимо представить авторитетный реферат на современную тему (размером не менее 40 страниц), а также имеющиеся работы (дисциплины, сочинение, курсовые сочинения, напечатанные статьи и рецензии).

Поступающие будут подвергнуты авторитетным испытаниям по основам марксизма, литературе и иностранному языку и коллоквиуму по избранной диссертационной теме.

Прием документов производится до 20 августа 1955 года.

Применные испытания состоятся в сентябре.

Справки по адресу: Москва И-104, Тверской бульвар, 25. Литературный институт имени А. М. Горького, отдел аспирантуры, тел. Б-199-92.